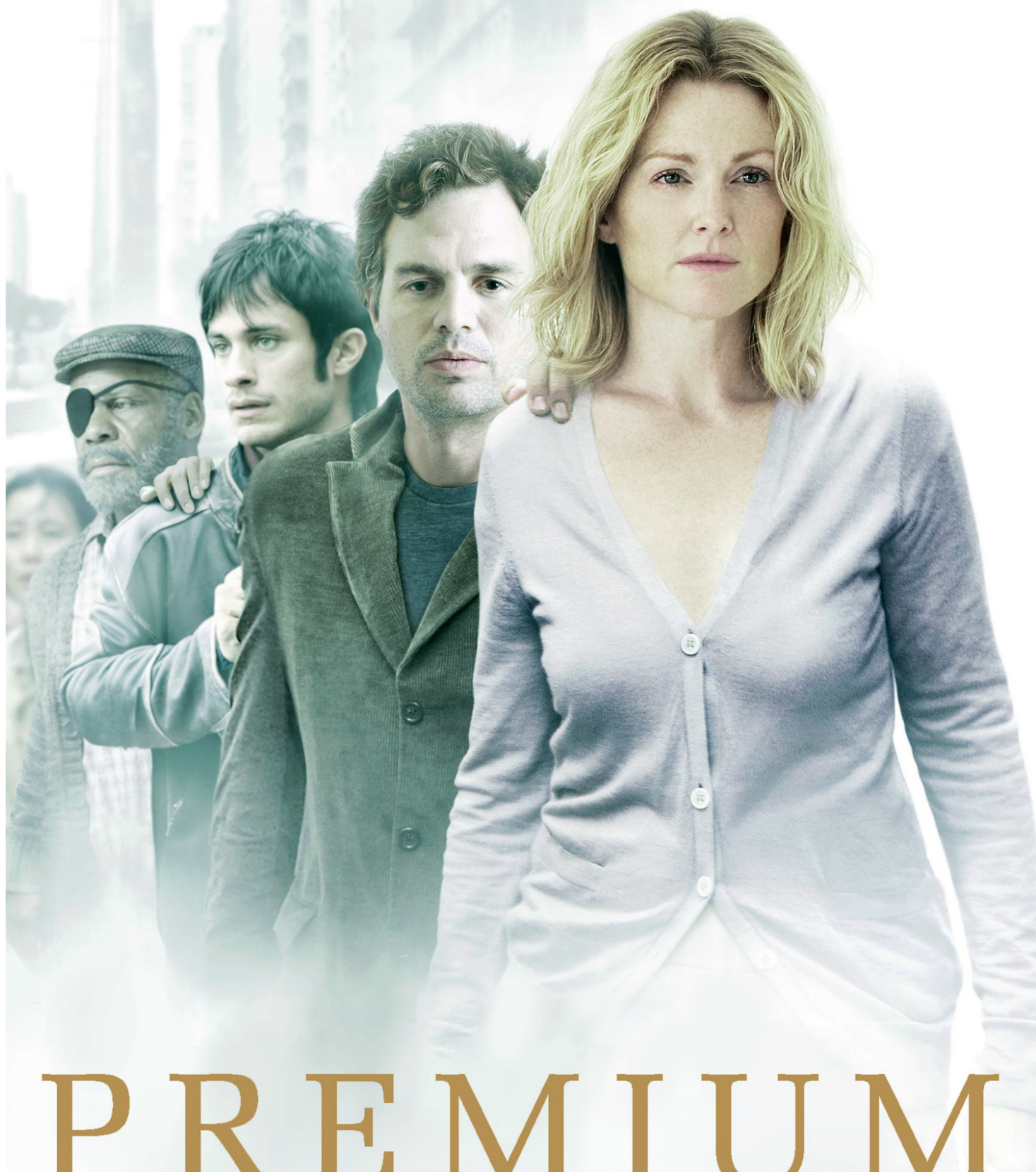

Нобелевская
премия
по литературе
1998 года

ЖОЗЕ САРАМАГО

Слепота

Азбука Premium

Жозе Сарамаго
Слепота

«Азбука-Аттикус»

1995

Сарамаго Ж.

Слепота / Ж. Сарамаго — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-09880-0

Жителей безымянного города безымянной страны поражает загадочная эпидемия слепоты. В попытке сдержать ее распространение власти вводят строжайший карантин и принимаются переселять всех заболевших в пустующую загородную больницу под присмотр армии. Главные герои романа – не уберегшийся от болезни врач-окулист и его жена, имитирующая слепоту, чтобы остаться с мужем, – ищут крупицы порядка в мире, который неудержимо скатывается в хаос...

ISBN 978-5-389-09880-0

© Сарамаго Ж., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Жозе Сарاماго

Слепота

© А. Богдановский, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Пилар
и моей дочери Виоланте*

*Могущий смотреть да увидит.
Могущий видеть – да заметит.*

Книга Наставлений

Загорелся желтый. Два первых автомобиля, поддав газу, успели проскочить, пока не вспыхнул красный. Человеческая фигурка на пешеходном светофоре высветилась зеленым. Те, кто стоял на тротуаре, двинулись через дорогу по широким белым стежкам, продернутым в черной асфальтовой ткани, менее всего на свете напоминают они зебру, однако называются именно так. Нетерпеливые водители, то выжимая, то отпуская педаль сцепления, не давали своим машинам покоя, и те чуть поерзывали вперед-назад, нервно подрагивали, как кони при виде хлыста. Пешеходы уже прошли, но сигнал, именуемый разрешающим, появился лишь через несколько секунд, укрепляя кого-то во мнении, что именно эта заминка, которая кажется столь незначительной, умножившись на тысячи светофоров по всему городу, постоянно чередующих свои три цвета, и есть главная причина тугой закупорки уличных артерий, пробок, проще говоря.

Наконец дали зеленый, машины резво и резко рванулись вперед, но, как тотчас выяснилось, не все. Первая в среднем ряду стоит как стояла, должно быть, какая-то неприятность случилась, обычное дело: сдох акселератор, гидравлика накрылась, заело что-нибудь в коробке передач, заклинило тормозные колодки или отошел контакт, а может, просто бензин кончился. Новое скопление пешеходов, образующееся на тротуарах, видит, как за лобовым стеклом размахивает руками водитель, слышит, как истошно сигналият ему задние. Одни уже выскочили на мостовую с намерением оттолкнуть застрявшую машину с проезжей части на обочину, другие стучат негодуя в поднятые стекла, а человек за рулем вертит головой туда-сюда, кричит что-то, и по шевелению его губ можно понять, что он повторяет одно и то же слово, нет, не одно, а два – два, что подтвердится, когда удастся наконец распахнуть дверцу: Я ослеп.

А так не скажешь. На вид, то есть на первый и неизбежно в таких обстоятельствах беглый взгляд, оба глаза у него целы и невредимы, радужка блестящая и светлая, склеры белые и плотные, как фарфор. А что веки широко открыты, кожа на искаженном лице собралась складками, брови вздернуты – так это, всякому понятно, от ужаса. И вот уже все, что было открыто взглядам, исчезло за стиснутыми, прижатыми ко лбу кулаками, словно призванными удержать в мозгу последнее, что видел водитель, – красный круглый глаз светофора. Я ослеп, я ослеп, твердит он в отчаянии, покуда доброхоты помогают ему выбраться из машины, и от брызнувших слез глаза, объявленные незрячими, блестят сильнее. Это пройдет, вот увидите, скоро пройдет, так бывает, это у вас нервное, сказала какая-то женщина. Меж тем свет на светофоре поменялся, и не вовремя заглухшую машину обступили теперь еще и пешеходы, тогда как не ведавшие сути события водители в задних рядах возмущались мелким, как мнилось им издали, дорожным происшествием, повлекшим за собой последствия не серьезней разбитой

фары или поцарапанного крыла и никак не заслуживающим такого столпотворения. Вызовите полицию, кричали они, уберите же этот драндулет. Отвезите меня домой, умолял слепец, а женщина, уверявшая, что это у него нервное, высказалась в том смысле, что вызвать следует скорую помощь и доставить несчастного в больницу, однако тот твердил, что нет-нет, не надо, и просил всего лишь, чтоб проводили до дверей дома. Тут рядом, в двух шагах, пожалуйста, вы окажете мне большую услугу. А машина, раздался чей-то голос. И другой ответил: Ключ в замке, надо отогнать к бордюру или поставить на тротуар. Нет, прозвучал третий голос, я сяду за руль и отвезу его домой. Послышался ропот одобренья. Слепец почувствовал, как его взяли под руку. Идемте, идемте со мной, произнес тот же голос. Усадили справа от водителя, пристегнули. Не вижу, не вижу, повторял он сквозь слезы. Адрес скажите, попросил человек за рулем. К стеклам с обжорливо-жадным любопытством липли лица зевак. Слепец поднял руки к глазам, подвигал кистями, пошевелил пальцами. Ничего не вижу, сплошной туман, как в молоке плаваю. Значит, не слепота, отозвался водитель, слепота, говорят, когда перед глазами все черно. А у меня все белое. Может, та дамочка была права, и это у вас нервное, нервы – вещь такая. Да мне ли не знать, боже, какое несчастье. Скажите, пожалуйста, где вы живете, и в тот же миг заурчал мотор. Запинаясь, сбиваясь и оговариваясь, словно потеря зрения лишила его и памяти, слепец назвал адрес, потом добавил: Не знаю, как вас благодарить, а водитель ответил: Да ну, какие пустяки, сегодня вы, завтра я, и кто может знать, что его ждет. Вы правы, правы, мог ли я подумать, когда выходил утром из дому, что со мной стрясется такая беда. И, удивленный тем, что машина не движется, спросил: А почему мы стоим? Красный, был ответ. А-а, протянул слепец и заплакал еще горше. Отныне и впредь он лишился способности следить за переключениями светофора.

Как и сказал слепец, дом его был неподалеку. Но вереница машин вдоль тротуара вытянулась плотно, не приткнешься, так что пришлось свернуть в переулок, поискать место там. Нашли и поставили совсем впритирку к стене, левым боком, чтобы слепцу не надо было в тоске и ужасе перебираться с одного кресла на другое, причем рычаг переключения скоростей и рулевое колесо будут ему в этом всячески препятствовать. Но зато он должен выйти первым. И вот он вышел и в растерянности замер посреди улицы, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и силясь сдержать рвущееся из горла отчаянье. Взмахнул руками, будто и в самом деле решил пуститься в плавание по этому молочному морю, о котором недавно говорил, и открыл уже было рот, чтобы позвать на помощь, но в этот самый миг его чуть тронули за локоть: Успокойтесь, я здесь. Они двигались очень медленно, слепец, боясь упасть, волочил ноги, шаркал подошвами, почти не отрывая их от мостовой, но оттого спотыкался на самой незначительной выбоине. Потерпите немножко, мы уже почти пришли, сказал провожатый и, сделав еще несколько шагов, осведомился: А дома-то есть кому за вами приглядеть, слепец же ответил: Не знаю, жена, наверно, еще не вернулась с работы, это я сегодня освободился пораньше, и надо же такому случиться. Помяните мое слово, скоро пройдет, я никогда не слышал прежде, чтоб человек слеп так вот, вдруг. А я еще гордился, что в моем возрасте не нуждаюсь в очках. Тем более. Они уже добрались до дверей, и две женщины с любопытством наблюдали за тем, как их соседа ведут под руку, но ни одной не пришлось в голову спросить: Что-нибудь в глаз попало, и спрошенному не пришлось отвечать: Да не в глаз, а сам я попал в молочное море. Уже в подъезде слепец сказал: Большое вам спасибо и простите за беспокойство, дальше уж я сам как-нибудь. Нет-нет, я поднимусь с вами, удостоверюсь, что все в порядке. Втиснулись кое-как в тесную кабину лифта. Какой этаж. Третий, представить себе не можете, как я вам признателен. Совершенно не за что, сегодня вы. А завтра я. Лифт остановился, они вышли на площадку. Помочь вам отпереть дверь. Спасибо, думаю, с этим я справлюсь. И, вытащив из кармана связку ключей, принялся ошупывать одну за другой бородки у каждого, потом сказал: Вот этот, кажется, и, левой рукой, кончиками пальцев нашарив замочную скважину, правой вставил ключ. Не тот. Давайте я. Дверь отворилась с третьей попытки. Э-эй, ты дома, позвал

слепец. Никто не отозвался, и, пробормотав: Так я и думал, еще не пришла, вытянул руки и ощупью двинулся по коридору, потом осторожно обернулся, повернул голову туда, где, по его расчетам, должен был находиться провожатый, сказал: Не знаю, как вас и благодарить. Вам не за что меня благодарить, я просто выполнил свой долг, отвечал добрый самарянин и добавил: Может быть, помочь вам устроиться поудобней, посидеть с вами, пока жена ваша не придет. Но столь рьяная забота внезапно показалась хозяину подозрительной, и не оставлять же, в самом деле, у себя дома совершенно постороннего человека, который, может быть, в этот самый миг размышляет, как бы половчей обратить беззащитного слепца, связать его, заткнуть ему рот да и обчистить квартиру. Нет-нет, пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо, и, медленно закрывая дверь, повторил: Не нужно, не нужно.

И перевел дух, когда лифт с гудением пошел вниз. Совершенно безотчетно, не помня, в каком состоянии находится, откинул крышечку, приткнулся к дверному глазку. Показалось, что взгляд уперся в глухую белую стену по ту сторону двери. Он чувствовал, как прикасается к орбите металлический ободок и щекошет ресницы маленький окуляр, но не видел ни того ни другого – все закрывала непроницаемая белизна. Он знал, что находится у себя дома, узнавал этот дом по запаху, по воздуху, по тишине, различал мебель и прочие предметы, когда легко, едва касаясь, проводил по ним пальцами, но в то же время чудилось, будто все это растворяется, переходит во что-то вроде нового измерения, где нет направлений и соотношений, севера и юга, верха и низа. Как и все, наверно, в отрочестве он забавлялся, представляя себе, что ослеп, и, проведя минут пять с закрытыми глазами, каждый раз убеждался, что слепота – несчастье хоть и ужасное, однако до известной степени переносимое, если, конечно, настигло жертву не при рождении и в памяти сохранились не только цвета и краски, но и формы, очертания, рельефы. В ту пору он думал даже, что тьма, в которой обречены жить слепцы, есть не более чем простое отсутствие света и так называемая слепота всего лишь прячет наружность предметов и людей под своим черным покрывалом, сохраняя их недоступными, неприкосновенными. Теперь же, напротив, погрузившись в эту ослепительную и всеобъемлющую белизну, он чувствовал – она не поглощает, а просто-таки пожирает не только цвета, но и сами предметы, равно как и людей, делая их невидимыми вдвойне.

Хотя слепец двигался по гостиной с благоразумной медлительностью, ведя блуждающей рукою вдоль стены, он все же смахнул на пол неожиданно возникшую на пути вазу с цветами. Сам ли он позабыл о ней, жена ли оставила перед уходом, чтобы по возвращении водрузить ее на подобающее место, – неизвестно. Он наклонился, ощупью оценивая размеры ущерба. Вода лужицей стояла на воцаренном полу. Слепец решил подобрать цветы, но не подумал об осколках и один, длинный и очень тонкий, тотчас засадил себе в палец, отчего, то есть от боли и потерянности, ослепленный белизной, запленившей дом, где между тем с наступлением вечера сгущались сумерки, снова расплакался как ребенок. Не выпуская цветов, чувствуя, как сочится кровь, он, изогнувшись всем телом, запустил здоровую руку в карман, исхитрился вытащить платок, обернул им, как сумел, палец. Потом, ощупывая дорогу, спотыкаясь, огибая мебель, ступая осторожно, чтобы не запнуться ногой о ковер, добрался до дивана, где они с женой смотрели прежде телевизор. Уселся, положил цветы на колени и очень осторожно размотал платок. Встревожился, что кровь такая липкая, подумал, наверно, это оттого, что не видна, стала она чем-то бесцветным и вязким, чужеродным и посторонним, принадлежащим ему и вместе с тем – подобным угрозе, от него исходящей и на него же направленной. Медленно-медленно, едва касаясь, здоровой рукой нащупал тонкую стеклянную занозу, острую, как крошечный клинок, ухватил ее ногтями большого и указательного пальцев и, не сломав, выдернул всю целиком. Снова обмотал поврежденный палец платком, стянул потуже, чтобы унять кровь, и в изнеможении, будто капитулировав, откинул голову на спинку дивана. Уже очень скоро из-за одного из тех сбоев, которые нередко дает наша плоть в минуты отчаянья или тоски, хотя по формальной логике именно тогда нервам полагалось бы напрячься и быть настороже, он впал

в какое-то забытье, не такое глубокое, как сон, но столь же тяжелое. И тотчас же приснилось ему, что он играет в давнюю вышеупомянутую игру, что открывает и закрывает глаза и всякий раз, будто вернувшись из дальних и долгих странствий, обнаруживает, что вокруг незыблемо и неколебимо ожидают его черты и краски привычного мира. Но он чувствует, как успокоительную непреложность точит и размывает глухое сомнение: быть может, все это только лживый сон, от которого он рано или поздно очнется, не зная, впрочем, что за явь будет ждать его. Затем, а собственно говоря, за чем за тем и можно ли назвать этим словом то, что длилось всего несколько мгновений, он уже вернулся в состояние полубодриствования, которое подготавливает пробуждение, и очень основательно рассудил, что нехорошо пребывать в подобной нерешительности на грани сна и яви, яви и сна, пора делать выбор, пришел срок рискнуть и смело спросить себя: А что я тут делаю, с цветами на коленях и с закрытыми глазами, которые вроде бы опасаясь открыть. А что ты тут делаешь с цветами на коленях, спишь, что ли, спросила жена.

И, не дожидаясь ответа, принялась подбирать осколки вазы, затирать лужу с некоторым вызовом да приговаривать – с досадой, которую и не трудилась скрыть: Мог бы, между прочим, и сам, чем валяться на диване с таким видом, будто ты ни при чем. Он молчал, опущенными веками оберегая себя, и: А что, если сейчас открою глаза и увижу, словно разрядом тока, пробила его неожиданная мысль, жгучая надежда. Подойдя поближе, жена заметила окровавленный платок, и раздражение ее моментально угасло: Бедненький, как это ты умудрился, жалостливо приговаривала она, разматывая импровизированную повязку. Тогда он всеми силами души пожелал увидеть жену, стоящую на коленях возле дивана, а потом, уже зная, что не увидит, открыл глаза. Проснулся наконец, соня ты этакий, с улыбкой проговорила она. Я ослеп, сказал он, я не вижу тебя. Перестань, сказала она, что за глупые шутки. Дорого бы я дал, чтобы это была шутка, только я и вправду ослеп и ничего не вижу. Пожалуйста, не пугай меня, посмотри на меня, вот сюда, сюда, я здесь, и свет горит. Я знаю, что ты здесь, я слышу тебя и ощущаю, я понял, что ты зажгла свет, но ничего не вижу. Она заплакала, вцепилась в него, ухватила за плечи: Неправда, скажи, что это неправда. Цветы рассыпались по полу, из пораненного пальца вновь закапала кровь, а он тоном, каким говорят: Все не так уж скверно, пробормотал: Все сплошь какое-то белое, и улыбнулся печально. Жена села рядом, крепко обняла, осторожно поцеловала его лоб, щеки, нежно и бережно прикоснулась губами к глазам: Все пройдет, вот увидишь, все скоро пройдет, ты ведь не болел, так не бывает, чтобы вдруг, ни с того ни с сего. Да, наверно. Расскажи мне все, что ты почувствовал, как это случилось, где, когда, нет, постой, прежде всего надо посоветоваться с окулистом, у тебя есть какой-нибудь знакомый доктор. Нет, ни ты, ни я не носим очков. А если поехать в больницу. Для слепых неотложной помощи нет. Ты прав, лучше проконсультироваться с окулистом, сейчас найду в адресной книге такого, кто принимает неподалеку от нас. Поднялась, спросила: Есть разница. Ты о чем. Я погасила свет, ты заметил какую-нибудь перемену. Нет, ничего. Что значит – ничего. Ничего, вижу все ту же белизну, для меня темноты словно вообще не существует.

Он слышал, как жена шуршит перелистываемыми страницами, дует, чтобы разлепить их, как вздыхает и наконец произносит: Вот этот должен подойти, господи, хоть бы он согласился нас принять. Набрала номер, уточнила, туда ли попала, спросила, принимает ли доктор и может ли он взять трубку, нет-нет, он меня не знает, это очень срочно, да, пожалуйста, понимаю, ну что же, могу и вам сказать, но прошу немедленно передать доктору, дело в том, что мой муж внезапно ослеп, да-да, именно так, нет-нет, он не ваш пациент, он даже очки не носит и никогда не носил, у него стопроцентное зрение, как и у меня, я тоже превосходно вижу, да-да, большое спасибо, я подожду, здравствуйте, доктор, да, внезапно, по его словам, вокруг только белое, я сама не знаю, не успела толком расспросить, я только вернулась со службы и обнаружила его в этом состоянии, может быть, вы сами спросите, ах, огромное вам спасибо, мы немедленно, немедленно будем у вас. Слепец поднялся. Погоди, остановила его жена, сначала

надо обработать твой палец, она вышла и через несколько мгновений вернулась с перекисью, йодом, ватой и прочим содержимым аптечки. Смазывая и перевязывая, она спрашивала: А где ты оставил машину, и внезапно: Но как ты доехал, ведь ты вести не мог, или это случилось уже дома. Нет, на улице, когда я остановился на светофоре, какая-то добрая душа довезла меня, машину мы оставили в переулке. Ну что, сказала женщина, идем, ты постоишь в подъезде, пока я подгоню, а где ключи. Не знаю, он мне их не вернул. Кто он. Добрая душа, которая привезла меня, обитает в теле мужчины. Но они должны быть где-то здесь. В комнате не ищи, он не прошел дальше прихожей. Где же они. Наверно, машинально унес их с собой. Только этого нам не хватало. Возьми запасную пару, потом найдем. Ладно, пошли, дай мне руку. Слепец сказал: Если так все останется, я жить не буду. Ради бога, не говори глупостей, за глаза хватит и того, что уже случилось. За глаза, говоришь, это ведь я ослеп, не ты, а я, и потому не можешь знать, что случилось. Доктор тебе поможет, вот увидишь. Увижу.

Вышли. Внизу, в подъезде, жена зажгла свет, шепнула: Жди меня здесь, появится кто из соседей, держись как ни в чем не бывало, говори, что ждешь меня, глядя на тебя, никто и не подумает, что ты не видишь, нечего всех посвящать в нашу жизнь. Давай поскорей. Женщина выбежала на улицу. Никто из соседей не появился. По опыту прошлых лет слепец знал, что, когда вестибюль освещен, слышится легкое гудение автоматического счетчика, и потому, как только оно стихало, нажимал на выключатель. Свет для него превратился в звук. Почему же так долго нет жены: переулок, где они оставили машину, был метрах в восьмидесяти, от силы – в ста. Врач до ночи дожидаться не станет, подумал он. И бессознательным движением поднял на уровень глаз левое запястье, намереваясь взглянуть на часы. Сморщил, словно от внезапной боли, губы, поблагодарил бога за то, что никто из соседей не появился в эту минуту рядом, ибо первое же слово, обращенное к нему, пресеклось бы рыданием. Было слышно, как у подъезда остановился автомобиль. Наконец-то, подумал слепец и тотчас удивился непривычному звуку. Это дизель, это такси, сказал он и еще раз нажал на кнопку. Жена, вбежавшая в подъезд, была вне себя. Этот твой благодетель, добрая душа, угнал у нас машину. Не может быть, ты плохо смотрела. Я хорошо смотрела, слава богу, не слепая, последние слова вырвались у нее словно сами собой, ты ведь сказал, что машина в переулке за углом, там ее нет, так что либо вы оставили ее еще где-то, либо. Да нет же, я уверен, что она там. Значит, она испарилась. Так, значит, ключи, начал он и осекся. Да-да, он воспользовался тем, что ты не в себе, и ограбил нас. А я ведь даже побоялся впустить его в дом, а побыл бы он со мной до твоего возвращения, то не сделал бы этого. Ладно, пошли, такси ждет, но, клянусь, я отдала бы год жизни, чтобы этот подонок тоже ослеп. Тише. И чтобы его тоже обобрали до нитки. Может быть, он еще появится. Ну конечно, завтра же постучит в двери, скажет, что это он по рассеянности, извинится и справится о твоём самочувствии.

По дороге молчали. Она пыталась не думать об угнанной машине и нежно держала его руки в своих, а он, опустив голову, чтобы водитель в зеркале не видел его глаз, беспрестанно спрашивал себя, как же это так вышло, что с ним стряслось подобное несчастье. За что это мне. Проникавший в машину шум с улицы становился громче, когда такси останавливалось: так бывает, когда мы еще во сне, но уже воспринимаем внешние шумы сквозь пелену бессознательного, окутывающую нас, словно саван. Он замотал головой, судорожно вздохнул, и женщина нежно прикоснулась к его щеке, будто говоря: Успокойся, я здесь, я с тобой, и тогда он уронил голову ей на плечо, уже не заботясь о том, что подумает водитель. Тебя б на мое место, с какой-то детской злостью подумал он, не много бы ты навел, и, сам не замечая нелепости своей мысли, поздравил себя, что, пребывая в таком беспросветном отчаянье, все же не утратил способности мыслить логически. Незаметно поддерживаемый женой, он вылез из машины и казался вполне спокоен, но у самых дверей консультации, где должна была решиться его судьба, вдруг спросил дрожащим шепотом: Каково мне будет, когда выйду отсюда, и покачал головой, ни на что уже не надеясь.

Жена сообщила регистраторше, что это она звонила полчаса назад по поводу мужа, и та провела их в небольшую комнату, где сидели в ожидании приема несколько пациентов. Старик с черной повязкой на глазу, косоглазый мальчик и женщина, по всей видимости приходившаяся ему матерью, девушка в темных очках и еще двое без особых примет, но ни одного слепого, ибо слепые к окулистам не ходят. Жена провела его к свободному стулу и, чтобы не занимать другой, осталась стоять рядом, шепнула на ухо: Придется подождать, и он понял, почему придется, ибо слышал голоса ожидающих, и тотчас затомился новой тоской, подумав, что чем позже попадет он к доктору, тем глубже провалится в свою слепоту и, следовательно, тем меньше будет надежд на исцеление. Беспокойно заерзал на стуле, хотел было поделиться своей мыслью с женой, но в этот миг открылась дверь и сестра произнесла, обращаясь к ним: Проходите, пожалуйста, и – к другим пациентам: Доктор примет их без очереди, случай безотлагательный. Мать косоглазого мальчика возразила, что порядок есть порядок, идти должны они с сыном, и так ждут уже больше часа. Прочие больные вполголоса поддержали ее, но все они, да и она сама, настаивать на своем сочли неблагоприятным из опасений, как бы доктор, рассердившись, не заставил их в отместку ждать еще дольше. Старик с повязкой на глазу проявил великодушие: Да чего уж там, пусть идет, бедняга, ему, как видно, хуже, чем нам. Слепец не слышал этих слов, супруги уже входили в двери кабинета, и жена, проговорив: Мы так вам признательны, доктор, дело в том, что у моего мужа, осеклась, потому что не знала, что именно у ее мужа, кроме того, что он ослеп и что у них украли машину. Садитесь, пожалуйста, сказал врач и сам помог слепцу устроиться на стуле, а потом, дотронувшись до его руки, обратился теперь прямо к нему: Ну, рассказывайте, что стряслось. И слепец рассказал, как сидел в машине и ждал, когда красный свет сменится зеленым, и вдруг перестал видеть, и как вокруг собрались люди, чтобы помочь, и какая-то немолодая, судя по голосу, дама предположила, что, скорее всего, это нервное, и как потом какой-то господин довез его до дому, потому что сам он никак бы не смог: Все вокруг белое, доктор. Похищенный автомобиль упомянут не был.

Никогда прежде не случалось с вами такого, ну, или чего-то подобного, спросил врач. Никогда, доктор, я и очки-то не ношу. Значит, говорите, это случилось внезапно. Именно так, доктор. Как будто вдруг взяли и выключили свет. Да нет, скорее не взяли, а дали, то есть зажгли. В последние дни не замечали, что стали хуже видеть. Нет. Скажите, незрячие в семье у вас есть или, может быть, были. Да нет, ни у кого из родни, сколько я знаю или слышал, ничего такого не было. Диабетом не страдаете. Нет, доктор. Сифилисом не болели. Нет, доктор. К подъемам давления, артериального или внутричерепного, не склонны. Насчет внутричерепного не в курсе, а так все в норме, в моей компании регулярно проводят диспансеризацию. Сегодня или вчера головой не ударялись. Нет, доктор. Сколько вам лет. Тридцать восемь. Ну хорошо, давайте-ка посмотрим. Слепец широко раскрыл глаза, как бы облегчая к ним доступ, однако врач за руку подвел его к некоему устройству, которое человек с живым воображением принял бы за новую модель исповедальни, такой, где вместо слов глаза и духовник проникает взглядом в самую глубь душевного нутра. Подбородок вот сюда, упритесь, глаза не закрывайте, не шевелитесь. Жена подошла сзади, положила руку на плечо слепца, сказала: Вот увидишь, сейчас все выяснится. Врач поднял и опустил сдвоенные окуляры, подкрутил чуть заметно регулятор настройки и начал исследование. Ни в роговице, ни в склерах, ни в радужке, ни в сетчатке, ни в хрусталике, ни в зрительном нерве, короче говоря, нигде никакой патологии не обнаружилось. Он отодвинулся от аппарата, потер глаза и, не сказав ни слова, начал все с самого начала, а когда завершил вторичный осмотр, лицо у него было озадаченное. Знаете, я ничего не нахожу, глаза у вас в полном, просто идеальном порядке. Жена, счастливо всплеснув руками, воскликнула: А что я тебе говорила, вот все и выяснилось. Не обращая на нее внимания, слепец спросил: Мне уже можно поднять голову. Да, конечно, извините. Доктор, но если глаза у меня в полном порядке, отчего же я не вижу. Пока не могу сказать, надо будет провести еще кое-какие исследования, анализы сдать, сделать энцефалограмму, эхографию.

Вы думаете, это что-то мозговое. Исключать такую возможность нельзя, но мне так не кажется. Но ведь вы сказали, что не нашли никакой болезни у меня в глазах. Не нашел. Тогда я не понимаю. Я хочу сказать, что если вы фактически слепы, то слепота ваша в данную минуту для меня необъяснима. Вы сомневаетесь, что я слеп. Ну что вы, просто это очень редкий случай, я, например, за всю свою практику ни с чем подобным не сталкивался, да что я, возьму на себя смелость сказать, история мировой офтальмологии не знает такого. Но как вы считаете, буду я видеть. Ну, в принципе, поскольку я не обнаружил никаких поражений и повреждений, ни врожденных, ни благоприобретенных, мой ответ должен быть положительным. Должен быть, но не будет. Исключительно из предосторожности, только ради того, чтобы не подавать надежд, которые могут оказаться беспочвенными. Понятно. Вот и хорошо. Может, мне пройти курс какого-нибудь лечения или там начать лекарство принимать. Видите ли, назначать вам сейчас какой-нибудь препарат значило бы действовать вслепую. Вижу, сказал слепец, вы очень метко выразились. Врач притворился, что не услышал эту реплику, поднялся со своего вертящегося табурета и, не присаживаясь к столу, выписал направления на анализы и исследования, которые считал нужным провести. Протянул бумажки жене пациента: Возьмите, придете с мужем, когда получите результаты, а будут какие-либо изменения в состоянии, звоните. Сколько мы вам обязаны, доктор. В регистратуре вам скажут. Он проводил супругов до дверей, пробормотал нечто утешительно-банальное вроде того, что не следует унывать и тем более отчаиваться, все наладится, а оставшись один, прошел в маленькую туалетную комнату, примыкавшую к кабинету, и долго, не менее минуты, смотрел на себя в зеркало. Что же это такое, а. Вернулся в кабинет, позвал сестру: Пригласите следующего.

А слепцу в ту ночь приснилось, что он ослеп.

* * *

Человек, угнавший у слепца машину, а сначала вызвавшийся помочь ему, действовал не с заранее обдуманной намерением и не руководствовался в ту минуту дурными побуждениями, но, напротив, совсем даже наоборот – движим был великодушием и альтруизмом, которые, как всем известно, являют собой две лучшие черты рода человеческого, встречающиеся даже и у куда более закоренелых преступников, нежели этот рядовой и заурядный угонщик, не имеющий ни малейших шансов возвыситься в иерархии, безжалостно эксплуатируемый истинными заправилами этого бизнеса, ибо они-то на полную катушку используют надобности и потребности тех, кто беден. И так ли уж, спросим себя, велика, в конце концов, разница между тем, чтобы помочь слепцу, а потом его же ограбить, и тем, например, чтобы ухаживать за дряхлой и немощной старушкой и, в чаянии получить наследство, ждать, когда она очокурится. Так вот, лишь у самого дома слепца сложился преступный замысел во всей своей безыскусной простоте в голове угонщика, который, можно сказать, решил приобрести лотерейный билетик, только заметив продавца, решил и, не осененный никаким предчувствием, приобрел, желая знать, что из этого выйдет, и заранее соглашаясь с тем, что ни – или вообще ничего не – преподнесет ему переменчивая фортуна, хотя кто-то, быть может, скажет, что действовал он чисто рефлекторно, рефлексы же определяет сама его личность. Те, кто скептически взирает на человеческую природу, а они многочисленны и упорны, заявят, пожалуй, что, если верен постулат насчет того, что не всегда случай делает вора, верно, без сомнения, и то, что случай ему сильно помогает. Мы же позволим себе высказать следующую мысль: если бы слепец принял второе предложение лжесамарянина – речь, как вы помните, о предложении составить ему компанию до прихода жены, – сделанное в тот последний миг, когда доброе начало еще могло пересилить, то, как знать, не поборола бы в сем случае моральная ответственность, порожденная доверием, преступное искушение и не возобладало бы над ним светлое, благородное чувство, которое всегда отыщется даже в самых дремучих душах. Закругляя наш мудреный период на протона-

родный манер, скажем, что слепец переусердствовал в бдительности и в полном соответствии со старинной поговоркой про дурака, которого заставили богу молиться, поплатился за это.

Понятие совести, столькими безумцами порицаемое и еще большим их числом отвергаемое, тем не менее существует и всегда существовало, это вовсе не измышление философов четвертичного периода, когда душа чуть только успела выйти из стадии смутного замысла. С течением времени, обогатясь опытом совместного проживания и плодами генетического обмена, мы в конце концов поместили совесть в состав крови, в соль наших слез и, мало того, превратили глаза в подобие зеркал, обращенных внутрь, в результате чего они беззастенчиво опровергают то, что тшятся утверждать уста. Прибавьте к этому такое весьма распространенное, особенно у простых душ, свойство нашей натуры, как способность смешивать раскаянье с первобытными страхами разного рода, от какового смешения злоумышленник получает кару, несоразмерную своему неблагоприятному проступку, по крайней мере вдвое более тяжкую, и кара эта, фигурально выражаясь, без ножа его режет. И следовательно, нет ни малейшей возможности определить, в какой степени муки, взявшиеся терзать угонщика, чуть только отъехал он от дома, порождены были страхом, а в какой – угрызениями совести. И очень, очень мало способствовало душевному спокойствию, что он оказался на месте человека, который держал этот же руль в тот самый миг, когда вдруг ослеп, глядел через лобовое стекло и внезапно перестал что-либо видеть, и потому даже без помощи чересчур пылкого воображения мысли эти пробудили и заставили поднять голову мерзкое пресмыкающееся под названием страх. А заодно с ним и раскаянье, сгущенное выражение совестливости, как уже было сказано несколько выше, или когтистый, по выражению классиков, и, от себя добавим, весьма зубастый зверь, явило пред мысленным взором угонщика образ беспомощного и растерянного слепца таким, каков был он в тот миг, когда закрывал дверь своей квартиры. Не нужно, не нужно, я справлюсь сам, повторял тогда бедняга, которому отныне и впредь шагу не ступить без посторонней помощи.

Вор удвоил внимание, чтобы не дать этим пугающим мыслям полностью завладеть собой, ибо знал, что нельзя допустить даже самой ничтожной ошибки и отвлечься хоть на миг. Стоит лишь полицейскому, которых на улицах полно, остановить его и сказать: Ваши права, пожалуйста, и документы на машину, как все будет кончено: опять тюрьма и все связанные с нею прелести и тягости. И потому он беспрекословно подчинялся светофорам: не проскакивал на красный, уважительно относился к желтому, терпеливо ждал зеленый. Через какое-то время заметил, однако, что начинает следить за чередованием цветов уже почти как одержимый. И сменил тактику – стал подгадывать так, чтобы попасть под зеленую волну, даже если для этого приходилось превышать скорость или, наоборот, сбрасывать ее до предела, сильно раздражая этим едущих следом. И вот, вконец сбитый с толку, сам не свой от напряжения, взвинченный донельзя, свернул на поперечную второстепенную улицу, где светофоров, как он знал, не было, и помчался по ней куда глаза глядят, уповая на свое водительское мастерство. Он чувствовал себя на грани нервного срыва и примерно этими же словами характеризовал свое состояние: Нервы прямо на пределе. Стало вдруг нестерпимо душно. Он опустил стекла слева и справа, но воздух, если и проникал в салон, прохлады не приносил, атмосферу не разряжал. Что ж это я делаю, спросил он себя. Гаражи, куда следовало доставить автомобиль, далеко, в загородном поселке, в таком состоянии ему нипочем туда не добраться. Либо сцапают, либо вмажусь в кого-нибудь, что еще хуже, пробормотал он и решил, что надо ненадолго выйти из машины, остыть, привести мысли в порядок. Может, дурь из мозгов выдует, если тот малый ослеп, это не значит, что и со мной случится то же самое, это же не грипп, пройдусь немного – и пройдет. Он вылез, даже не стал запираť машину, ибо вокруг не было ни души, и пошел. Однако не сделал и тридцати шагов, как ослеп.

Последним в очереди к окулисту был добрый старик с черной повязкой на глазу, пожалевший бедолагу, который так вот вдруг на ровном месте лишился зрения. Он пришел всего-то лишь узнать, когда ему удалят катаракту на единственном глазу – пустую орбиту второго прикрывала повязка, и старику, по его словам, видеть теперь было совсем нечем. Да, это у вас возрастное помутнение хрусталика, катаракта называется, сказал ему доктор, удалим, как созреет, и прозреете. Когда старик с черной повязкой ушел и сестра сказала, что приема никто больше не ждет, доктор достал медицинскую карту слепца, прочел ее раз и другой, на несколько минут задумался, а потом позвонил одному своему коллеге и имел с ним следующий разговор. Знаешь, я смотрел сегодня очень странного пациента, можешь себе представить, человек полностью ослеп, причем сразу, в один миг, так вот, я его смотрел и ничего не нашел, никаких нарушений, и врожденной патологии тоже никакой, он уверяет, что не видит ничего, кроме сплошного белого поля, как будто постоянно перед глазами – густое молоко, ну да, это я пытаюсь пересказать его ощущения, да понимаю, что субъективно, да нет, молодой еще, тридцать восемь лет, ты ничего о чем-то подобном не слышал, может быть, в литературе встречал, потому что я не знаю, как ему помочь, послал его пока делать анализы, может быть, вместе его посмотрим как-нибудь на днях, сегодня вечером пороюсь в книгах, посмотрю литературу, глядишь, какой-нибудь след найду, да, конечно, агнозия, психическая слепота, да, это вероятно, но тогда это первый случай с такой клиникой, потому что тут полная потеря зрения, агнозия же, как мы с тобой знаем, есть невозможность идентифицировать увиденное, ну да, я тоже подумал об этом, церебральный амавроз, так о чем я начал говорить, ах да, но здесь-то нечто совершенно противоположное амаврозу, он-то ведь характеризуется полнейшей черной тьмой, а здесь мы имеем дело с белизной, разве что существует белый амавроз, белая, так сказать, тьма, ну да, и я тоже никогда ничего, ладно, завтра позвоню, скажу, что хочу вместе с коллегой еще раз посмотреть его. Завершив разговор, врач откинулся в кресле, посидел неподвижно несколько минут, потом усталыми медленными движениями стянул с себя белый халат. Пошел в ванную вымыть руки, но на этот раз не задавал своему отражению в зеркале метафизических вопросов вроде: Что же это такое, а, а вновь укрепился в научном мировоззрении, а что агнозия и амавроз подробнейшим образом изучены и описаны, вовсе не означает, будто в один прекрасный день не может появиться разновидностей, вариантов, мутаций, так сказать, и день этот, судя по всему, настал. Может существовать миллион причин для того, чтобы в мозгу заблокировалась зона, отвечающая за зрение, это просто мозг закрылся, мозг – и больше ничего¹. Как видим, наш офтальмолог питал слабость к литературе и любил иногда вернуть уместную цитату.

Вечером, после ужина, он сказал жене: Такой странный пациент был у меня сегодня, его случай можно было бы отнести к варианту агнозии или амавроза, но подобное пока нигде не описывалось. А что такое амавроз и эта, как ее, спросила жена. Доктор удовлетворил ее любопытство, дав объяснения, доступные разуму непрофессионала, а потом подошел к стеллажу, где стояли книги по специальности – и старые, еще студенческой поры, и новые, и совсем недавно вышедшие, пока даже не читанные. Поискал по оглавлению, по предметному указателю и методично принялся за чтение, намереваясь изучить все, что обнаружил по поводу амавроза и агнозии, но чем дальше, тем отчетливей испытывая какое-то неудобство, оттого что вторгался в чужие владения, на заповедные земли, в таинственные области нейрохирургии, о которой имел лишь самые общие представления. Глубокой ночью он отодвинул в сторону стопку книг, потер утомленные глаза и откинулся в кресле. С полнейшей ясностью обрисовалась ему альтернатива. Будь это агнозия, пациент видел бы то же и так же, что и как всегда, то есть ни в малейшей степени не утратил бы остроты зрения, но мозг его отказывался бы узна-

¹ Аллюзия на стихотворение американского поэта Эдгара Аллана По (1809–1849) «Ворон» (1845), перевод М. Зенкевича. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

вать в стуле, например, стул, то есть продолжал бы правильно реагировать на световые стимулы, передаваемые зрительным нервом, но, если избегать специальных терминов и говорить на языке людей, далеких от медицины, – утратил бы способность знать, что знает, и вдобавок – говорить об этом. Ну а с амаврозом дело обстояло еще того проще. В таком случае пациент видел бы, если позволительно употребить здесь этот глагол, только черную непроницаемую тьму, а вернее – ничего бы не видел. Слепец же категорически заявлял, что видит – опять же с поправкой на неуместность здесь такого слова – густую и плотную, однородную белую массу, как если бы нырнул с открытыми глазами в молочное море. Белый амавроз, не говоря уж о том, что это словосочетание немыслимо с точки зрения этимологии, невозможен и неврологически, поскольку мозг, который не в состоянии различать реальность, не в силах и замазать белой краской, выкрасить в белый цвет без полутонов и оттенков те предметы, формы и цвета, которые являет эта самая реальность нормальному зрению, сколь бы ни были сомнительны рассуждения о самом существовании такового. С необыкновенной отчетливостью осознав, что зашел в тупик, откуда вроде бы нет выхода, и уперся лбом в стену, врач уныло покачал головой, огляделся. Жена уже ушла к себе – ему смутно припоминалось, что она подходила к нему и поцеловала в затылок: Пойду спать, в квартире было тихо, на столе громоздились книги. Что же это такое, а, подумал он и вдруг испугался, как будто сам должен был в следующий миг ослепнуть и знал об этом. Он затаил дыхание, выждал. Ничего не случилось. Случилось через минуту, когда он собирал книги, чтобы поставить их на полку. Сначала понял, что не видит свои руки, а затем – что ослеп.

Болезнь, приключившаяся с девушкой в темных очках, не относилась к числу серьезных: у нее был самый обычный конъюнктивит, с которым прописанное доктором средство должно было справиться за несколько дней. Ну а пока не действует, очки, сами понимаете, будете снимать только на ночь, прибавил он. Можно предположить, что шутка эта бытует с незапамятных времен, передается офтальмологами из поколения в поколение, но – с неизменным успехом, ибо улыбнулся, произнес ее, доктор, улыбнулась, выслушав ее, пациентка, что, в сущности, имело особый смысл, ибо девушка в темных очках пользовалась любой возможностью показать, какие у нее красивые зубы. Знакомый с ее образом жизни скептик, сделавшийся таким по природной мизантропии или из-за слишком частых разочарований, намекнул бы, что прелесть этой улыбки – не более чем профессиональный прием, но злобную инсинуацию следует отмести с негодованием, ибо она, то бишь улыбка, была такой и в те времена, не столь уж давние, когда носительница ее пребывала еще в девичестве, хоть это слово теперь не в ходу, когда будущее представляло письмецом в конверте, а любопытство, побуждавшее распечатать его, только-только зарождалось. Несколько упрощая, можно было бы причислить ее к сословию проституток, однако многообразие и причудливое переплетение социальных отношений – дневных и ночных, вертикальных и горизонтальных, – действовавших в описываемую нами эпоху, советует нам если не унять, так хоть умерить неодолимую склонность к суждениям скоропалительным и чересчур определенным, но, похоже, нам от этой слабости не избавиться никогда. И пусть вполне очевидно, как много в Юноне от облака, неразумно все же упорствовать и смешивать античную богиню со скоплением водяных капель, парящих в атмосфере. Ну конечно, эта женщина отдается за деньги, что позволяет без долгих умствований отнести ее к разряду женщин продажных, но, если принять в расчет, что отдается она лишь тем, кому хочет, и когда хочет, не следует исключать возможность того, что подобная разборчивость как-то вроде бы не вполне совместима с членством в почтенной гильдии. Как и у всех нормальных людей, есть у нее профессия, но точно так же, как и все нормальные люди, употребляет она свободное время на то, чтобы доставлять себе удовольствие и удовлетворять потребности, присущие всем вообще и ей одной в частности. Так что, если избегать однозначно-примитивных

определений, следует наконец охарактеризовать ее как женщину, которая живет сообразно со своими вкусами и, кроме того, извлекает из этого максимум приятных ощущений.

От окулиста она вышла, когда уже сильно смеркалось. Очки не сняла, потому что уличное освещение, и в особенности неоновые огни рекламы, резало глаза. Завернула в аптеку за лекарством, которое выписал ей доктор, и сделала вид, будто не слышит реплику провизора, сказавшего, что грешно, мол, скрывать такие глазки под темными очками, реплику дерзкую и саму по себе, тем более что позволил ее себе какой-то аптекарь, и противоречащую вдобавок ее глубокой убежденности в том, что темные очки придают ей обольстительно-загадочный вид и пробуждают в прохожих мужского пола интерес, который она, быть может, и позволила бы утолить, если бы на сегодняшний вечер не было у нее назначено свидание, внятно сулившее много добра – как в плане материальном, так и во всяком ином-прочем. С мужчиной этим она уже встречалась раньше, его нисколько не смутило предупреждение о том, что очки, повинувшись воле офтальмолога, тогда, впрочем, еще не высказанной, она снимать не будет, не только не смутило, но и позабавило как некое пикантное новшество. Выйдя из аптеки, взяла такси и назвала отель. Откинувшись на сиденье, она предвкушала разнородные и многообразные ощущения – от первого и умелого соприкосновения губ до волнообразной череды бурных оргазмов, которые, закрутив ее на головокружительном и умопомрачительном огненном колесе, оставят, будто распятую, типун нам на язык, в блаженном изнеможении. Стало быть, есть у нас основания полагать, что если партнер девицы в темных очках не подкачал в смысле техники, не оказался слишком, извините, скоропалителен, то она платит ему, во-первых, первой, а во-вторых, вдвое против того, что получает потом в денежном исчислении. Посреди этих размышлений и, без сомнения, потому, что давешний визит к офтальмологу обошелся ей недешево, она спросила себя, не пора ли, ни на день не откладывая, поднять то, что усмешливым иносказанием привыкла назначать за это свое более чем щедрое возмещение.

Попросила остановиться за квартал до отеля, смешалась с толпой, двигавшейся в том же направлении, плавно поплыла в этом людском потоке, никому неведомая и ни перед кем не виноватая. Очень непринужденно вошла в отель, пересекла вестибюль и подседа к стойке бара. До условленного и очень точно оговоренного срока оставалось еще несколько минут, а потому надо было подождать. Заказала себе коктейль и принялась не спеша потягивать его, ни на кого не глядя, потому что не хотела, чтобы ее приняли за вульгарную охотницу на мужчин. Чуть погодя, с видом туристки, что после целого дня хождения по музеям поднимается к себе в номер, направилась к лифту. Неведомая ей пока добродетель неизменно встречает препятствия на тернистом пути к совершенству, а вот грех и порок пользуются благосклонностью фортуны, так что она добралась благополучно, и раздвижные двери отверзлись ей. Престарелая супружеская чета высадились, а она вошла, нажала кнопку третьего этажа, ее ожидали в триста двенадцатом номере, вот он, негромко постучала в дверь, через десять минут была уже раздета, через пятнадцать – стонала, через восемнадцать – шептала, не имея надобности притворяться, слова любви, через двадцать – начала терять голову, через двадцать одну – почувствовала, что тело ее словно бы плавится от наслаждения, через двадцать две – закричала: Да, да, да, а когда пришла в себя, произнесла в пресловутом блаженном изнеможении: До сих пор все вокруг белое.

Угонщика домой доставил полицейский. Степенный и сочувственный правоохранитель представить себе не мог, что ведет матерого преступника, и наложил на него руку не ради торжества законности, но исключительно, чтобы бедняга не споткнулся. Зато нам нетрудно представить, как перепугалась жена вора, когда, отворив дверь, увидела на пороге полицейского в форме, конвоирующего, как ей показалось, арестанта, который вконец пал духом и с которым, судя по виду его, случилось кое-что гораздо похуже ареста. В первую минуту подумала она, будто мужа сцапали *in flagranti delicto*, то есть взяли с поличным, и в доме сейчас произведен

будет обыск, и эта мысль, как ни странно, внесла в смятенную душу женщины некоторое успокоение, ибо супруг похищал только автомобили, а такую вещь, сами понимаете, под кроватью не спрячешь. Впрочем, уже в следующую минуту все разъяснилось: Он ослеп, позаботьтесь о нем, и первоначальное облегчение женщины, увидевшей, что полицейский выступает в роли не конвоира, а поводыря, сменилось осознанием масштабов нагрянувшего в дом несчастья, когда супруг в слезах пал ей на грудь и поведал то, что мы уже знаем.

Девуцу в темных очках в родительский дом тоже доставила полиция, однако пикантность обстоятельств, при которых обнаружилась слепота, – совершенно голая женщина, истошными воплями тревожащая покой других постояльцев отеля, ее кавалер, лихорадочно натягивающий штаны и не попадающий ногой в брючину, – умеряла до известной опять же степени драматизм ситуации. Слепая, сгорая со стыда, а чувство это, что бы там ни твердили добропорядочные лицемеры, не вовсе улетучилось от сдачи любовной страсти в аренду и прокат, и осознав после серии пронзительно-режущих криков, что потеря зрения есть нечто иное, нежели непредусмотренное и завораживающе-непривычное последствие испытанного наслаждения, едва осмеливалась тихо плакать и причитать, когда ее, бесцеремонно и грубо вертя, одели и чуть ли не взашей повлекли вон из отеля. Полицейский тоном, который можно было бы назвать исполненным сарказма, не будь он просто грубым, осведомился, узнав предварительно, где она живет, есть ли у нее деньги на такси, ибо: В таких случаях на казенный счет не прокатишься, что, заметим мимоходом, вполне резонно и основательно, поскольку данная категория граждан не платит налогов со своего аморального оборота. В ответ она кивнула, но, став слепой, решила, представьте, будто полицейский мог не увидеть этого движения, и пролепетала: Есть, добавив уже про себя: Пропади они пропадом, что прозвучало бы бессмыслицей, однако, если вспомнить, что дух человеческий неизменно избирает окольные пути, уклоняясь от прямых и кратчайших, непреложно свидетельствовало о том, что бедняжка сочла все случившееся карой за распутство и разврат, но тут они и доехали. Матери сказала, чтобы к ужину ее не ждали, а, гляди-ка, вернулась как раз вовремя, поспела даже раньше отца.

С окулистом все вышло несколько иначе, и не только потому, что находился у себя дома в тот миг, когда ослеп, – в отличие от обычных людей, которые, лишь когда заболит какой-нибудь из органов и членов, узнают о самом существовании их, врач не будет сложа руки предаваться отчаянью. Даже попав в такой, с позволения сказать, переплет, в тоске и печали ожидая мучительную ночь, доктор наш сумел вспомнить строку гомеровской Илиады, поэмы, повествующей прежде всего о смерти и страдании: Стоит многих воителей один врачеватель искусный, причем так следует понимать, что речь там идет не о количественных, но исключительно о качественных показателях, и в этом у читателя очень скоро появится возможность удостовериться. Ибо у доктора хватило отваги лечь в постель к жене и не разбудить ее, даже когда она, что-то пробормотав во сне, придвинулась, чтобы чувствовать его рядом. Тянулись бессонные часы, если удавалось задремать, то лишь на миг. Он хотел бы, чтобы утро не наступало никогда и чтобы не пришлось ему, человеку, избравшему себе ремеслом исцеление больных глаз, объявлять: Я ослеп, а с другой стороны – хотел, чтобы поскорее рассвело, и выразил свое пожелание в этих самых словах: Поскорее бы рассвело, хоть и знал, что света дня не увидит. По совести говоря, проку от незрячего окулиста мало, разве что толково и профессионально информировать органы здравоохранения об угрозе общенациональной катастрофы, поскольку появился новый, доселе невиданный и неизученный вид слепоты, распространяющейся с очень высокой интенсивностью, передающейся от человека к человеку, то есть, попросту говоря, заразной, и, насколько можно судить, не дающей никаких предварительных клинических проявлений вроде, например, воспаления или иных симптомов дегенерации или инфекции, в чем доктор мог убедиться на примере того слепца, которого осматривал накануне, или на своем собственном – ничтожная близорукость, легкий астигматизм, то и другое выражено так слабо, что он пока не считал нужным пользоваться корректирующими линзами. Глаза, переставшие

видеть, глаза, ставшие незрячими, пребывают меж тем в полнейшем порядке и без малейших признаков врожденной или приобретенной, застарелой или свежей патологии. Он вспомнил, сколь тщательному осмотру подверг слепца, как одна за другой все доступные офтальмоскопу части глаза оказывались в идеальном состоянии, без намека на болезнетворные изменения, что само по себе редкость, когда больному, по его же словам, тридцать восемь лет, да и в более молодом возрасте – тоже. Он не может быть слеп, пробормотал доктор, позабыв на миг, что и сам слеп, вот как далеко может человек зайти в своем самоотречении, и это случается не только здесь и сейчас, вспомним, о чем толковал нам Гомер, пусть и совсем другими словами. Впрочем, это только кажется, что другими.

Когда поднялась жена, он притворился спящим. Почувствовал, как она чуть прикоснулась к его лбу губами – поцеловала так нежно и осторожно, словно боялась нарушить то, что представлялось ей глубоким и крепким сном, и, быть может, думала при этом: Бедный, он так поздно вчера лег, все ломал голову над редким случаем, думал, как помочь тому слепенькому. Оставшись один, доктор, чувствуя, как густое и плотное облако, напозая с груди к лицу, медленно душит его, через ноздри проникая внутрь и ослепляя, коротко простонал, ощутил навернувшиеся на глаза, покотившиеся вдоль висков две слезы, подумал: Наверно, белые, и понял теперь, как страшно было его пациентам, когда они говорили: Доктор, что-то, мне кажется, я стал хуже видеть. В спальню с кухни доносились милые домашние звуки, скоро заглянет жена посмотреть, встал ли он, потому что пора отправляться в клинику. Осторожно поднялся с постели, нащупал и надел халат, побрел в ванную, помочился. Потом повернулся туда, где всегда висело зеркало, и на этот раз не спросил: Что же это такое, а, не сказал: Есть миллион причин для того, чтобы в мозгу заблокировалась зона, отвечающая за зрение, а лишь простер руки, пока не уперся пальцами в стекло. Он знал, что отражение – там, в зеркале, что образ смотрит на него, видит его, а он его – нет. Услышал голос жены из спальни: А-а, встал уже, сказала она, и он ответил: Да. И тотчас ощутил, что она рядом: Доброе утро, любовь моя, ну, как ты, после стольких лет брака они все еще обменивались такими вот нежностями, а потом так, словно игралась пьеса и настал его черед подать реплику, он сказал: Да, знаешь, неважно, с глазами что-то. Жена восприняла только вторую часть фразы: Ну-ка, покажи, попросила она, очень внимательно осмотрела и сказала: Ничего не вижу, то есть совершенно явно перепутала и произнесла его текст, ибо произнести эти слова надлежало ему, что он и сделал, только немного небрежней, вот так примерно: Ничего не вижу, и добавил: Думаю, что меня заразил вчерашний пациент.

Жены врачей, живя с ними бок о бок, с течением времени сами начинают немного разбираться в медицине, а жена этого окулиста во всех смыслах была ему близким человеком и не могла, следовательно, не знать, что слепота – болезнь не заразная, инфекцией не передается, это не холера какая-нибудь, и никто пока еще не ослеп от того, что поглядел на него слепец, ибо это вопрос личных взаимоотношений человека и глаз, данных ему при рождении. Но, во всяком случае, медик обязан знать, что говорит, для того он и в университете обучался, а если этот доктор мало того что объявил себя слепым, но еще и уверяет, будто заразился, то, как бы хорошо ни разбиралась в медицине его жена, сомневаться ей не приходится. Само собой разумеется, что бедная женщина, оказавшись перед лицом непреложной очевидности, повела себя точно так же, как и любая на ее месте, где, как мы знаем, побывали уже две ее товарки по несчастью, то есть, обняв мужа, выказала все признаки живейшего и совершенно естественного огорчения: Что же делать, повторяла она сквозь слезы, что же нам теперь делать. Прежде всего сообщить санитарным властям, в министерство здравоохранения, если это и вправду эпидемия, необходимо принять безотлагательные меры. Но эпидемия слепоты – вещь небывалая и невиданная, слабо возразила женщина, цепляясь за соломинку последней надежды. Слепца с абсолютно здоровыми глазами тоже никто никогда не видел, однако же таких обнаружилось по крайней мере двое. И едва лишь он произнес последнее слово, как, изменившись в лице,

почти грубо оттолкнул от себя жену и сам отшатнулся от нее: Отойди, не приближайся, ты тоже можешь заразиться, и сейчас же ударил себя кулаками по голове: Ох, какой же я идиот, идиот, безмозглая тварь, доктор, называется, как я мог не подумать об этом, всю ночь рядом, в одной постели, мне надо было остаться в кабинете, закрыть двери, да и то. Ради бога, не говори так, чему быть, того не миновать, пойдем, я приготовлю завтрак. Оставь меня, уйди ты отсюда. Не оставлю и не уйду, ты что же, будешь спотыкаться, падать, наткаться на стулья в поисках телефона, искать в справочнике, не видя его, номера телефонов, а я, по-твоему, – спокойно смотреть на все это, сидя под стеклянным колпаком во избежание заразы. Потом она крепко взяла его за руку и сказала: Пойдем, милый.

Было еще слишком рано, когда врач, и сами можете представить, с какой охотой, выпил чашку кофе и съел тостик с маслом, приготовленные упрямой женой, слишком рано, чтобы застать на рабочем месте должностных лиц, которых он счел нужным известить. Для пользы дела и сбережения времени он, рассуждая логически, собрался обратиться прямо к кому-нибудь из самого высокого начальства в министерстве здравоохранения, однако намерение пришлось переменить, как только стало очевидно: совершенно недостаточно представиться доктором таким-то, располагающим важнейшей и срочнейшей информацией, чтобы убедить чиновника помельче, с которым нашего окулиста, снизойдя к его долгим просьбам и уговорам, наконец соединили, доложить вышестоящему. Тот желал знать, о чем речь, хотя малым детям понятно – ни один врач, мало-мальски сознающий свою ответственность, не станет сообщать о возникновении эпидемии первому попавшемуся клерку, ибо возникнет паника. На это было сказано: Вы назвались доктором таким-то, готов, если вам угодно, в это поверить, но порядок есть порядок, и, пока вы мне не скажете, в чем дело, я никому докладывать не стану. Дело это строго конфиденциальное. Строго конфиденциальные дела по телефону не обсуждают, так что лучше бы вам явиться лично. Я не могу выйти из дому. Вы что же – больны. Да, болен, после некоторого колебания промолвил слепец. В этом случае я бы на вашем месте вызвал врача, только – настоящего врача, и, довольный собственным остроумием, дал отбой.

Это было подобно пощечине. Лишь спустя несколько минут доктор пришел в себя и смог пересказать жене, как с ним обошлись. А потом, словно только сейчас осознав то, что должен был бы уразуметь давным-давно, печально пробормотал: Вот из какого вещества все мы и состоим – из равнодушия пополам с подлостью. И что, спрашивается, теперь делать. Тут он понял, что попусту теряет время и что передать информацию, минуя чиновников, можно единственным способом – поговорить с директором своей клиники, поговорить как врачу с врачом, а уж потом тот пусть приводит в действие громоздкие бюрократические маховики и шестеренки. Жена набрала номер, который помнила наизусть. Когда ответили, доктор назвал и торопливо произнес: Спасибо, хорошо, без сомнения отвечая на вопрос секретарши: Как поживаете, доктор, мы, когда не хотим выказать слабость, всегда говорим: Спасибо, хорошо, хоть бы даже и при смерти лежали, железными обручами стягиваем сердце, производя единственную в своем роде кузнечно-кардиологическую процедуру. Когда директор взял трубку и осведомился, как дела, доктор спросил, один ли тот в кабинете, не может ли кто-нибудь подслушать их разговор, секретарша не в счет, очень ей нужно слушать про офтальмопатии, вот женские болезни – это дело другое. Доклад вышел сжатым, деловитым, исчерпывающе полным, лишенным иносказаний, недомолвок, лишних слов и до такой степени клинически бесстрастным, что директор удивился: Вы в самом деле ничего не видите. Абсолютно ничего. Во всяком случае, нельзя исключить, что это совпадение и вы не заразились. Согласен, однако же мы с ним ослепли не так, чтобы он там, а я тут, не встречаясь друг с другом, слепец пришел ко мне на прием, а спустя несколько часов ослеп я сам. Как бы нам разыскать его. Фамилия и адрес имеются в регистратуре. Немедленно пошлю туда кого-нибудь. Врача. Ну, не курьера же. Вам не кажется, что следует сообщить в министерство о том, что случилось. Я это считаю преждевременным, подумайте, какая поднимется паника, да и, черт побери, слепотой нельзя

заразиться. Смертью тоже, однако все мы умрем. Ладно, вы пока оставайтесь дома, потом я пришлю за вами машину, приедете ко мне, я сам хочу вас посмотреть. Не забудьте, что я ослеп после того, как осматривал слепца. После, как известно, не значит вследствие. Если я что-нибудь и вижу, то лишь четкую причинно-следственную связь. Хорошо, хорошо, рано еще делать выводы, два отдельных случая не показательны. Если их и в самом деле только два. Понимаю, в каком состоянии вы находитесь, но все же не нужно предаваться мрачным мыслям, для которых может не оказаться никаких оснований. Спасибо. Мы еще поговорим. До свиданья.

Через полчаса, когда доктор с помощью жены неуклюже добирал щеку, зазвонил телефон. Это был директор клиники, и говорил он на этот раз совсем иначе: К нам доставили мальчика, внезапная потеря зрения, уверяет, что перед глазами сплошная белая пелена, мать утверждает, что вчера водила его к вам на прием. Расходящийся левосторонний страбизм. Именно так. Значит, тот самый. Я начинаю беспокоиться, ситуация очень серьезная. Министерство. Да-да, разумеется, я немедленно переговорю с. Через три часа, когда в полном молчании доктор с женой обедали и он нашаривал вилкой заботливо нарезанные кусочки мяса, снова раздался звонок. Подошла жена и тотчас вернулась: Тебя, из министерства. Помогла подняться, проводила в кабинет, вложила в руку трубку. Разговор был краток, и, услышав: Нам необходимо установить личности всех, кто вчера был у вас на приеме, доктор сказал, что в историях болезни, иначе называемых карточками, содержится все требуемое, то есть имя, возраст, семейное положение, место работы, домашний адрес, и вызвался сопровождать того или тех, кого отправят за ними. Не надо, отрезали в ответ. Затем трубку передали кому-то еще, и голос в ней зазвучал другой и по-другому: Здравствуйте, говорит министр, от имени правительства я благодарю вас за ревностное отношение к своему профессиональному долгу, уверен, что оперативность ваших действий поможет нам взять ситуацию под контроль, а до тех пор убедительно прошу вас оставаться дома. Последние слова, хоть и были сказаны очень вежливо, не оставляли и тени сомнения в том, что это приказ. Хорошо, господин министр, ответил доктор, но на другом конце уже положили трубку.

Через несколько минут последовал новый звонок. Директор клиники заплетающимся от волнения языком сказал: Только что узнал, из полиции сообщили о двух случаях внезапной слепоты. Это что, их сотрудники. Нет, обычные люди, мужчина и женщина: его подобрали на улице, кричал, что ослеп, а с ней это случилось в постели, в отеле, ну, в общем, вы понимаете. Нужно сейчас же выяснить, не мои ли это пациенты, известно, как их зовут. Пока нет. Мне звонили из министерства, они заберут истории болезни из регистратуры. Вот ведь дело-то как повернулось, а. Это вы мне говорите. Доктор положил трубку, поднял руки к глазам, прикрыл их, словно хотел защитить от худших напастей, а потом глухо произнес: Как же я устал. Поспи немного, пойдем, я тебя уложу, сказала жена. Не стоит, все равно не смогу заснуть, да и потом это не конец, будет что-нибудь еще.

Было без чего-то шесть, когда телефон зазвонил в последний раз. Доктор, сидевший рядом с аппаратом, сам снял трубку: Да, это я, сказал он и стал слушать, что ему говорят, а перед тем, как дать отбой, слегка кивнул. Кто это, спросила жена. Из министерства, за мной через полчаса приедет санитарная машина. Ты ждал этого. Чего-то в этом роде. И куда тебя отвезут. Не знаю, в больницу, наверно. Сейчас я соберу тебе чемодан, уложу вещи, костюм. Я ведь не в круиз отправляюсь. Мы не знаем куда. Она бережно отвела его в спальню, усадила на кровать: Посиди, я сама все сделаю. Доктор слышал, как жена ходит по комнате, открывает и закрывает ящики и дверцы, достает одежду и белье и складывает все это в стоящий на полу чемодан, но не догадывался, что, кроме его вещей, легли в чемодан несколько блузок и юбок, пара брюк, платье и туфли, которые могли быть только женскими. Он рассеянно подумал: Куда мне столько, но промолчал, потому что не время было говорить о пустяках. Щелкнули замки, и голос жены произнес: Готово, теперь пусть приезжают. Сама вынесла чемодан в прихожую,

поставила у двери, не слушая доктора, который порывался помочь и твердил, что это ему по силам, он еще не инвалид. Потом на диване в гостиной стали ждать. Взялись за руки. Он сказал: Не знаю, надолго ли расстанемся, а она ответила: Не тревожься.

Прождали они почти час. Когда брякнул звонок у двери, она поднялась, пошла открывать, но на площадке никого не было. Сняла трубку домофона: Хорошо, он сейчас спустится. Повернулась и сказала: Ждут внизу, им приказано не подниматься. Похоже, там в министерстве сильно перепугались. Идем. Спустились на лифте, она помогла мужу преодолеть последние ступеньки, потом залезть в санитарный фургон, потом вернулась за чемоданом, подняла его, швырнула внутрь, потом забралась сама, села рядом с мужем. Водитель, обернувшись к ней, возразил: Мне велено только доктора доставить, так что вы сойдите. Нет, придется вам и меня тоже отвезти, спокойно возразила женщина, я только что ослепла.

* * *

Мысль пришла в голову самому министру. И с какой стороны ни поглядеть, мысль счастливая, поразительно удачная как в чисто медицинском аспекте, так и в плане социальных последствий и политических их производных. Хотя покуда невыясненными остались причины или, употребляя профессиональный термин, этиология белой болезни, как, благодаря вдохновенному наитию некоего не обиженного воображением ассистента, окрестили неблагозвучную слепоту, хоть не найдены были пути лечения, не создана вакцина, могущая воспрепятствовать возникновению в будущем новых случаев, однако решили всех, кто ослеп, а равно и всех, кто находился с ними в непосредственном контакте, собрать в одном месте и изолировать, дабы пресечь распространение инфекции, число жертв которой в противном случае увеличивалось бы в прогрессии, в математике именуемой геометрической. *Quod erat demonstrandum*², заключил министр. Если перевести все это на общедоступный язык, речь о том, что всех этих людей посадят в карантин, следуя старинному обычаю, возникшему в те времена, когда корабли, прибывшие из тех мест, где свирепствовали эпидемии чумы и желтой лихорадки, не входя в порт, отстаивались на рейде сорок дней, а там видно будет. Именно эти слова: А там видно будет, произнес министр, и непохоже было, что он обмолвился случайно или что других слов у него не нашлось, тем более что чуть позже он уточнил: Хочу сказать, что карантин может продлиться как сорок дней, так и сорок недель, и сорок месяцев, и сорок лет, что в данном случае не важно, важно, чтобы они оттуда не выходили. Осталось только решить, куда мы их поместим, сказал председатель специального комитета, только что созданного и призванного заниматься сбором, доставкой, охраной и обеспечением слепцов. Чем мы располагаем, осведомился министр. В наличии имеются пустующее помещение психиатрической больницы, ожидающее перепрофилирования, казармы, которые после недавней армейской реформы по назначению не используются, недостроенные павильоны промышленной ярмарки, и еще есть гипермаркет на грани банкротства, причем мне так никто не объяснил, почему он есть и откуда взялся. Ну и какое из этих сооружений, по вашему мнению, лучше других отвечает стоящим перед нами целям. Казарма хороша с точки зрения безопасности. Естественно. Но она чересчур велика, затруднительно будет осуществлять надзор, и обойдется он слишком дорого. Понятно. Что касается гипермаркета, тут возникает множество всяких юридических сложностей и тонкостей, создается почва для имущественных тяжб, так что. Ну хорошо, а что скажете про ярмарку. А про ярмарку лучше, господин министр, вообще сразу забыть. Это почему. Промышленникам совершенно точно не понравится, они туда вбухали миллионы. Что же, остается клиника. Точно так, господин министр, клиника. Ну, клиника так клиника. Да, по всем параметрам лучше места не найти: помимо того, что строение по всему периметру обнесено

² Что и требовалось доказать (лат.).

стеной, там есть и такое преимущество, как два крыла или, если угодно, флигеля, из которых один можно предназначить для настоящих, так сказать, слепцов, другой – для проходящих обсервацию, ну и центральный вестибюль, ничейная, так сказать, земля, по которой ослепшие будут перебираться к слепым. Предвижу одну сложность. В чем, господин министр. Но кому-то же придется следить за этими перемещениями, надо же будет где-то подобрать персонал, а я не уверен, что мы сможем рассчитывать на волонтеров. Вряд ли это потребуется. Поясните. В том случае, если кто-то из инфицированных ослепнет, а это естественным порядком рано или поздно произойдет, мы можем быть совершенно уверены, что его покуда еще зрячие товарищи в тот же миг выставят его вон. Вы правы. Точно так же они не впустят к себе слепца, если тому вдруг вздумается сменить место. Да, я вижу, вы глубоко проработали вопрос. Благодарю, господин министр, значит, можно приступать. Действуйте, даю вам полный карт-бланш.

Комитет взялся за дело рьяно и ретиво. Еще до вечера собраны были все слепцы, о коих имелись сведения, а также и известное количество лиц, находившихся с ними в контакте, по крайней мере тех, кого удалось выявить и задержать в ходе стремительно проведенного розыска, в первую очередь среди родственников и сослуживцев людей, изолированных по причине потери зрения. Первыми в здание пустующей психушки доставили доктора с женой. У ворот, которые приоткрылись ровно настолько, чтобы можно было пройти, и тотчас задвинулись, стояли часовые. Перелами или поручнями служила толстая веревка, натянутая от ворот до главного входа. Примите чуть вправо, там будет веревка, возьмитесь за нее и следуйте вперед, там будут ступеньки, числом шесть, объявил сержант, подниметесь по ним, войдете, внутри веревка раздваивается налево-направо, так вот вам, внимание, направо. Жена несла чемодан и вела доктора в ближайшую ко входу палату, длинную как старинный лазарет, с двумя рядами железных коек, некогда крашенных пепельно-серой краской, ныне во многих местах облупившейся. Такого же цвета были простыни, одеяла, наволочки. Жена прошла вглубь, посадила доктора на кровать, сказала: Никуда не уходи, пойду посмотрю, куда мы попали. Палаты, длинные, узкие, извилистые коридоры, кабинеты, в прежние времена предназначавшиеся, должно быть, для врачей, убогие и грязные уборные, кухня, откуда еще не выветрился запах скверной казенной еды, просторная столовая с цинковыми столами, три клетушки, где стены метра на два в высоту были обиты толстым слоем войлока, а выше – пробкой. За домом – задний двор, чахлая рощица неухоженных, с ободранной корой, деревьев. Повсюду валялся мусор. Жена доктора вернулась в дом. В полуоткрытом шкафу обнаружила смиренные рубашки. Когда подошла к мужу, тот спросил: Ты поняла, куда нас привезли, и она, ответив: Нет, хотела было добавить: В сумасшедший дом, но доктор опередил ее: Ты не ослепла, я не допущу, чтобы ты оставалась здесь. Да, ты прав, я не слепая. Я потребую, чтобы тебя отпустили домой, объясню, что ты обманула их, чтобы не разлучаться со мной. Не трудись, отсюда тебя не услышат, а и услышат – не послушают. Но ведь ты зрячая. Это пока, скорей всего, я тоже ослепну через несколько дней или через минуту. Прошу тебя, уходи. Не настаивай, тем более что солдаты, вероятней всего, не дадут мне даже ногу поставить на ступеньку. Я же не могу тебя принудить. Ну конечно же, милый мой, конечно не можешь, я останусь и буду помогать тебе и тем, кого еще привезут сюда, только не говори им, что я вижу. Кого привезут. Но ты ведь не думаешь, что мы здесь будем единственными. Это безумие. Вот мы с тобой и сидим в сумасшедшем доме.

Остальных слепцов доставили всех вместе. Взяли их дома, одного за другим: и автомобилиста, ставшего самой первой жертвой, и вора, угнавшего у него машину, и девицу в темных очках, и косоглазого мальчика, ах, впрочем, нет, мальчика забрали из больницы, куда отвезла его мать. А саму ее не взяли: хитроумия, которым наделена была жена доктора, не хватило, чтобы заявить, будто она тоже слепая, была она существом простодушным, неспособным лгать даже ради собственного блага. Они вошли в палату, спотыкаясь, ощупывая воздух перед собой, ибо путеводной веревки здесь не было, и учиться приходилось на собственных ошибках, то

есть ушибах, косоглазый мальчуган хныкал, звал мать, и девушка в темных очках, взявшаяся утешать его: Не плачь, не плачь, идет, идет твоя мама, благодаря этим самым очкам могла бы с одинаковым успехом о— или показаться как слепой, так и зрячей, потому что остальные впустую водили невидящими очами из стороны в сторону, а она, повторяя: Идет, идет твоя мама, словно бы и вправду прозревала в дверях мать, по которой так отчаянно тосковал мальчик. Жена доктора шепнула ему на ухо: Их четверо, двое мужчин, девушка и ребенок. Как выглядят мужчины, вполголоса спросил доктор. Жена описала, и: Этого не знаю, а второй, судя по всему, тот самый, что был у меня на приеме. У мальчика левый глаз косит, а девушка в темных очках, очень хорошенькая. Обоих я смотрел накануне. Слепцы, отыскивая место, где могли бы чувствовать себя в безопасности, производили много шума и потому не слышали этого краткого разговора и думали, наверно, что все здесь такие же, как они, зрение же утратили слишком недавно, чтобы изошрилась у них сверх нормы способность различать звуки. Наконец, словно разом придя к выводу, что от добра добра не ищут, каждый из них сел на ту кровать, на которую наткнулся, причем мужчины оказались ближайшими соседями, хоть и не подозревали об этом. Девушка продолжала тихонько утешать мальчика: Не плачь, вот увидишь, скоро придет твоя мама. В наступившей после этого тишине неожиданно донесшийся из глубины палаты голос жены доктора: Нас здесь двое, а вас сколько, перепугал новоприбывших, но мужчины промолчали, а ответила только девушка: Значит, теперь четверо, со мной и этим мальчуганом. Кто еще здесь есть, почему не откликаетесь, настаивала жена доктора, и: Еще я тут есть, прозвучал голос мужчины, которому каждое слово давалось словно с большим трудом. И я, сдавленно отозвался еще один. Жена доктора сказала как бы про себя: Пришипились, будто бояться познакомиться друг с другом. Она видела, как вытянули они, словно приносясь, шеи, как сморщили от напряжения лица, причем любопытно, что застыло на них одинаковое выражение смешанного с угрозой страха, вот только боялись они разного и разным угрожали. Чего-то они не поделили, подумала жена доктора.

В этот миг ожил укрепленный над дверью громкоговоритель, и строгий, привычный к командам голос отчетливо, отдельно и громко произнес: Внимание, повторив это слово трижды, а затем: Правительство страны, выражая глубокое сожаление по поводу того, что во исполнение своего долга и в соответствии со своими полномочиями вынуждено принять ряд безотлагательных и жестких мер по защите всеми имеющимися в его распоряжении средствами населения страны, оказавшейся перед лицом кризиса, вызванного внезапной вспышкой эпидемии слепоты, временно именуемой белой болезнью, рассчитывает, что все граждане проявят сознательность и присущие им, гражданам, гражданские чувства, всемерно препятствуя распространению эпидемии в том, разумеется, случае, если мы имеем дело с нею, а не с необъяснимым в данное время совпадением ряда единичных случаев. Решение о помещении в карантин лиц, пораженных этим недугом, равно как и лиц, имевших с ними какие бы то ни было контакты, а потому подлежащих обсервации, является глубоко и всесторонне продуманным. Правительство полностью сознает свой долг перед народом и надеется, что те, кому адресовано это обращение, как законопослушные граждане, также осознают лежащую на них ответственность и поймут, что изоляция, которой их подвергли, ознаменует их неразрывную связь и нерушимое единство со всем национальным сообществом. Прослушайте правила поведения в карантине: первое, свет должен гореть постоянно, всякая попытка погасить его бессмысленна, выключатели заблокированы, второе, запрещается под страхом немедленной смерти покидать помещение без специального разрешения, третье, по телефону, имеющемуся в каждой палате, разрешается передавать только просьбы о пополнении запаса гигиенических и моющих средств, четвертое, изолированные обязаны ежедневно производить ручную стирку своей одежды, пятое, не предписывается, однако настоятельно рекомендуется избрать в каждой палате старосту, шестое, трижды в день к дверям левого и правого крыльев будут доставляться коробки с продовольствием, предназначенным соответственно для обеих групп, седьмое, все

отходы, под которыми следует понимать не только остатки пищи, но также тару и посуду, как то: тарелки и ложки, изготовленные для этой цели из горючих и легковоспламеняющихся материалов, подлежат сожжению, восьмое, сожжение производится на заднем дворе, девятое, изолированные несут ответственность за возможные негативные последствия неосторожного обращения с огнем, десятое, возгорание, случайное или произведенное умышленно, ликвидируется силами и средствами самих изолированных, без вызова пожарной охраны, одиннадцатое, изолированные не вправе рассчитывать на медицинскую помощь в случае заболевания кого-либо из них, равно как и на вмешательство извне для наведения порядка в случае возникновения конфликтов или актов агрессии, двенадцатое, в случае смерти кого-либо из числа изолированных, каковы бы ни были ее причины, тело силами самих изолированных должно быть без соблюдения каких бы то ни было формальностей захоронено у ограды, тринадцатое, все контакты между двумя группами пациентов, размещенными в двух крыльях здания, могут производиться только в центральном вестибюле, через который вами был осуществлен вход в клинику, четырнадцатое, ослепшие незамедлительно переходят во флигель, где содержатся слепые, пятнадцатое, эти инструкции будут передаваться ежедневно, в одни и те же часы, для сведения вновь прибывших. Правительство и Народ надеются, что каждый исполнит свой долг. Спокойной ночи.

В последовавшей за этим тишине прозвенел голос мальчика: Я хочу к маме, но слова эти произнесены были без всякого выражения, словно бы не живым человеком, а каким-то механическим устройством, которое записало фразу и теперь вдруг не ко времени ее воспроизвело. Доктор сказал: Инструкции, которые нам прочли, ясно дают понять, что нас попросту замуровали заживо, и, похоже, выйдем мы отсюда не раньше, чем наука придумает, как лечить эту болезнь. Голос знакомый, сказала девушка в темных очках. Я – доктор, окулист. Теперь узнала: я вчера была у вас на приеме. Напомните, на что жаловались. У меня был конъюнктивит, был и есть, только теперь, когда я ослепла, это уже не страшно. А ребенок с вами. Нет, это не мой, у меня нет детей. А это уж не тот ли косенький мальчик, которого я смотрел вчера. Тот самый, ответил мальчик с ноткой обиды, ему не понравилось упоминание о его физическом недостатке, да и кому бы понравилось, ибо есть у них, у недостатков, этих и всех прочих, такое свойство – чуть только упомяни о них, как из едва заметных делаются они более чем очевидными. Есть здесь еще кто-нибудь, кого я знаю, спросил доктор, может быть, среди нас тот, кто приходил вчера вместе с женой, он ослеп внезапно, за рулем. Да, я здесь, ответил первый слепец. Ну и кто-то же еще, назовитесь, пожалуйста, нам ведь жить вместе бог знает сколько времени, и потому просто необходимо знать друг друга. Ну, я, процедил сквозь зубы угонщик, полагая, что этого будет достаточно, чтобы обозначить его присутствие, однако доктор настаивал: Судя по голосу, вы человек довольно молодой, стало быть, это не вы обращались по поводу катаракты. Не я. Как вы потеряли зрение. Шел по улице. И. И все, шел и потерял. Доктор открыл было рот, чтобы осведомиться, тонет ли у того все в белизне или во тьме, но прикусил язык, вовремя рассудив, что, каков бы ни был ответ и, значит, цвет слепоты, это ничего не изменит. Он протянул неуверенную руку к жене и на полдороге встретил ее руку. Она придвинулась, чтобы поцеловать его в щеку, никто, кроме нее, не видел это отуманенное печалью чело, горькую складку губ, неживые, будто стеклянные глаза, внушавшие страх, потому что казались зрячими, но ничего не видели. Придет и мой черед, подумала она, быть может, это произойдет вот сейчас, в этот самый миг, не дав мне додумать, или в любую другую минуту, ведь у каждого из этих людей случалось такое, или проснусь слепой, или ослепну, когда закрою глаза, чтобы заснуть, и тогда подумаю, что сплю, только и всего.

Она обвела взглядом четверых слепцов, рассеявшихся по койкам, в ногах державших скудные пожитки, которые им разрешили взять с собой: у косоглазого мальчика был школьный ранец, у остальных – маленькие чемоданчики, с какими на уик-энды ездят. Девушка в темных очках тихонько разговаривала с мальчиком, в другом ряду, совсем рядом, разделенные

пустой кроватью, сидели, повернувшись друг к другу, но не зная этого, первый слепец и вор. Доктор сказал: Все мы слышали приказы, что бы там ни было, теперь знаем одно – никто нам не поможет, так что нужно самим как-то наладить жизнь, не откладывая, потому что очень скоро и эта палата, и все прочие будут битком набиты. Откуда вы знаете, что тут есть другие палаты, спросила девушка в темных очках. Мы прошли тут немного, прежде чем зайти в эту, наша – первая от входа, сказала жена доктора, стиснув ему руку, чтобы не сболтнул лишнего. Сказала девушка: Вам и быть старшим, доктор как-никак. Скорей – никак, что толку, что доктор, – ни глаз, ни лекарств. Тем не менее. Жена доктора улыбнулась: Принимай должность, если, конечно, остальные не возражают. Не думаю, что это удачная мысль. Почему. Пока нас здесь только шестеро, но завтра наверняка станет больше, каждый день сюда будут привозить новых и новых, и следует с уверенностью предположить, что едва ли они признают не ими выбранную власть, которой, помимо всего прочего, нечего им дать за признание и соблюдение правил, если, конечно, они вообще склонны признавать над собой какую-либо власть и какие-либо правила. Тогда здесь будет трудно жить. Это счастье, если всего лишь трудно. Девушка в темных очках сказала: Я хотела как лучше, но, вообще-то, доктор прав – каждый начнет тащить одеяло на себя.

В этот миг, то ли взбешенный этими словами, то ли не в силах больше сдерживать клокотавшую в нем ярость, вскочил на ноги один из мужчин. Вот кто во всем виноват, будь у меня глаза, прикончил бы на месте, завопил он, тыча пальцем туда, где, по его представлениям, должен был находиться виновник всех несчастий. Направление было угадано почти верно, но драматический жест возымел неожиданно комический эффект, поскольку обвиняюще уставленный перст указывал на ни в чем не повинную прикроватную тумбочку. Успокойтесь, заметил доктор, при эпидемии виноватых нет, все жертвы. За доброту свою расплачиваюсь, за сострадание, если б я не вызвался довести этого болвана до дому, сохранил бы зрение. Кто вы, спросил доктор, но обвинитель не отвечал, почувствовав всю несообразность того, что наговорил. Тут послышался голос другого: Довести-то довел, это правда, а потом воспользовался моим беспомощным состоянием и украл у меня машину. Врешь, ничего я не крал. Украл, украл. Если кто-то увел твой драндулет, нечего валить на меня, вознаградили меня за милосердие, нечего сказать, и потом, где у тебя свидетели, а, предъяви. О чем вы спорите, сказала жена доктора, машина там, вы оба здесь, лучше бы вам помириться, нам ведь жить вместе. Не буду я с ним жить, сказал первый слепец, что хотите со мной делайте, я перейду в другую палату, не останусь рядом с негодяем, которому хватило совести обобрать слепого, еще жалуется, что из-за меня ослеп, так ему и надо, есть, значит, справедливость на свете. Он подхватил свой чемодан и, волоча ноги, чтобы не споткнуться, водя свободной рукой перед собой, вышел в проход между двумя рядами коек. Где тут выход, спросил он, но ответа, если кто и собирался его дать, не дождался, потому что угонщик выполнил по мере силы-возможности угрозу рассчитаться с виновником всех своих бед и кинулся на него. Началась свалка: понять, кто сверху, кто снизу, было нельзя, противники, сцепившись, катались по полу, ушибались о ножки кроватей, а испуганный мальчик снова заплакал и стал звать маму. Жена доктора, зная, что в одиночку не справится, схватила мужа за руку, подтащила его туда, где, сопя и отдуваясь, колотили друг друга остервеневшиеся слепцы. Помогла мужу ухватиться за одного, сама вцепилась в другого, с огромным усилием растащили. Очень глупо вы себя ведете, заметил доктор, если непременно желаете устроить здесь ад крошечный, продолжайте в том же духе, вы идете верной дорогой, но только помните, что мы предоставлены самим себе, помощи ни от кого неждемся, сами слышали. Он украл у меня машину, проскулил первый слепец, которому досталось сильнее, чем второму. Да забудьте вы про нее, воскликнула жена доктора, какая теперь разница, вы ведь и тогда уже не могли ею пользоваться. Ну да, но ведь это моя собственность, а теперь она неизвестно где. По всей видимости, сказал доктор, она осталась на том самом месте, где он ослеп. Соображаете, доктор, одобрительно воскликнул вор, варит котелок. Первый сделал

было попытку – или вид, что хочет – высвободиться и начать второй раунд, но сник, словно уразумев наконец, что гнев, пусть даже самый праведный, не вернет ему машину, а машина, в свою очередь, – зрения. Зря считаешь, что все сойдет тебе с рук, крикнул ему его обидчик, да, это я тебя тачки лишил, а ты меня – глаз, так что еще неизвестно, кто из нас вор. Уймитесь, а, попросил доктор, все мы здесь слепцы, винить в этом некого и жаловаться некому, а хотите перейти в другую палату, жена вас проводит, она ориентируется лучше, чем я. Нет, я передумал, лучше здесь останусь. Деточка одна спать боится, вдруг бука придет, сказал вор. Ну, хватит, прикрикнул на него доктор, потеряв терпение. Слышь, доктор, чего это ты так раскомандовался, а, мы тут все равны. Я не командую, а просто говорю, чтоб оставили его в покое. Ладно-ладно, только полегче на поворотах, договорились, не люблю, когда против шерсти, со мной по-хорошему надо, таких врагов, как я, лучше себе не заводить. Размахивая руками, двигаясь напористо и задиристо, вор нашел свою койку, задвинул под нее чемодан и таким тоном объявил: Я ложусь спать, словно требовал: Отвернитесь, дайте раздеться. Девушка в темных очках сказала мальчику: И ты ложись, вот сюда, сюда, если что понадобится – позовешь, я буду рядышком. Мне надо по-маленькому, сказал мальчик. При этих словах и все вдруг почувствовали настоящее желание облегчиться и разом подумали об одном и том же: И как же это все будет, хоть, может быть, и сформулировали эту мысль по-разному, а первый слепец пошарил под кроватью в поисках горшка, желая в то же время, чтобы его там не оказалось, потому что стеснялся справлять нужду на людях, они, конечно, не могут его видеть, но журчание мочи не скроешь, не спрячешь, хотя мужчины способны применить некий фокус, недоступный женщинам, которым в этом смысле повезло меньше. Вор, сидевший на кровати, сказал: Ох, мать твою, куда ж сходить отлить. Нельзя ли не выражаться, одернула его девушка в темных очках, тут ребенок. Верно говоришь, золотце мое, однако учти, что, если сейчас же не найдешь сортир, этот твой ребенок напрудит прямо в штанишки. Сказала жена доктора: Я, наверно, смогу найти туалет, когда шла по коридору, чувствовала запах. Я с вами, сказала девушка в темных очках, беря мальчика за руку. Лучше бы всем вместе пойти, заметил доктор, так, по крайней мере, будем знать дорогу. Отлично тебя понимаю, эти слова вор вслух произнести не решился, однако подумал именно так, тебе вовсе не хочется, чтоб баба твоя водила меня писать каждый раз, как приспичит. Эта мысль, вернее, второй, подспудный ее смысл, оказала на него хоть и не сильное, но возбуждающее действие, чему он удивился, как будто вместе со зрением непременно должен был лишиться и сексуального желания. Ладно, подумал он, не все еще потеряно, живы будем – не помрем, устроимся как-нибудь, и, отвлекшись от разговора, погрузился или, наоборот, воспарил в мечты. Помечтать ему, впрочем, не дали, потому что доктор уже говорил: Двигаемся гуськом, моя жена идет впереди, каждый берет переднего за плечо, тогда не потеряемся. Сказал первый слепец: С этим, явно имея в виду похитителя своего автомобиля, я не пойду.

Потому, что одни хотели сблизиться, а другие – отдалиться, какое-то время они неуклюже топтались в узком проходе между кроватями, тем более что жене доктора приходилось вести себя так, словно и она не видит. Наконец выстроились цепочкой: за женой доктора – девушка в темных очках, державшая за руку косоглазого мальчика, за ними – вор в одних трусах и майке, за ним – доктор, а замыкающим, во избежание новой потасовки, шел первый слепец. Двинулись, причем очень медленно, словно не доверяя своей вожатой, вода свободной рукой по воздуху, пытаясь найти что-нибудь прочное и основательное вроде стены, например, или дверного косяка. Вор, шагавший, как было сказано, позади девушки в темных очках, от запаха ее духов испытал, не успев еще остыть от предыдущего, прилив нового возбуждения и решил найти рукам более приятное применение: левой погладил ей шею под волосами, правой – прямо и без церемоний ухватил за грудь. Девушка передернула плечами, попыталась стряхнуть нахальную лапу, но вор держал крепко. Тогда она резко согнула в колене и с силой выбросила назад ногу – лягнулась, иначе говоря. Высокий каблук, именуемый шпилькой, но

тонкий и острый, как стилет, вонзился в бедро, и вор взревел от неожиданности и боли. Что такое, спросила, обернувшись, жена доктора. Да это я споткнулась, был ответ, и, похоже, задела того, кто шел сзади. Вор, перемежая брань стонами, обеими руками держался за ногу, пострадавшую в результате собственной его несдержанности, и меж пальцами уже проступала кровь: Поранила меня, гадина, не видишь, куда ноги ставишь. Зато, кажется, ты знаешь, куда руки тянешь, сухо отвечала девушка в темных очках. Жена доктора поняла, что произошло, и сначала только улыбнулась, но вскоре поняла: дело серьезное, рана обильно кровоточит, обработать ее нечем, под рукой ни перекиси, ни йода, ни ваты, ни бинта, и вообще ничего. Цепочка распалась, и доктор спросил: Куда она вам попала. Да вот сюда. Куда сюда. Да в ногу же, не видишь, что ли, ногу мне пропорол каблучищем своим. Ничего подобного, я не нарочно, просто оступилась, возразила девушка в темных очках, однако тотчас взорвалась праведным гневом: Нечего было лапать, за кого ты меня принимаешь. Надо промыть и перевязать, вмешалась жена доктора. Чем ты ее промоешь. Водой. А где вода. На кухне, на кухне есть вода, но всем вместе идти не надо, мы с мужем отведем вас туда, а все остальные обождут здесь, мы скоро. Хочу пи-пи, заявил мальчик. Потерпи еще немножко, сейчас вернемся. Жена доктора отлично знала, что надо повернуть направо, потом налево и пройти в конец длинного, изгибавшегося под прямым углом коридора, но уже через минуту, сделав вид, что ошиблась, остановилась, вернулась, воскликнула: Ах нет, не туда, я вспомнила, и уже напрямик направилась к цели, поскольку кровь текла обильно и времени больше терять было нельзя. Пришлось подождать, пока из крана сойдет ржавая, грязная вода. Она по-прежнему оставалась мутно-тепловатой, застоявшейся в трубах, словно протухшей, однако раненый принял ее со вздохом облегчения. Надо чем-то перетянуть, а чем. Под столом нашлись грязные половые тряпки, но было бы чистейшим безрассудством использовать их в качестве перевязочного материала. Нету, нету, ничего нету, приговаривала жена доктора, делая вид, что шарит по кухне. Но не могу же я оставаться так, доктор, кровяшка хлещет, сделайте что-нибудь, жалобно взывал вор, помогите мне, а что нахамил, простите великодушно. Поможем, поможем, сейчас-сейчас, отвечал доктор, ну, вот что, снимайте-ка что на вас есть, ничего другого не остается. Раненый пробурчал было, что майка совсем новая, но повиновался. Жена доктора быстрыми движениями скатала ее в жгут, обхватила и крепко стянула им бедро, тугим узлом связала лямки с подолом. Едва ли незрячий человек смог бы действовать так споро и точно, но разыгрывать спектакли было некогда, хватит и того, что она притворилась, будто не знает, в какую сторону идти. Вору и в самом деле почудилось неладное: по логике вещей, все эти манипуляции должен был бы проводить врач, пусть даже и глазной, однако утешительное сознание того, что за ним появился должный уход, вытеснило смутные подозрения, которые, впрочем, и так лишь самым краешком чиркнули по душе. Припадающий на ногу вор и доктор с женой присоединились к остальным, и тут обнаружилось, что косоглазый мальчуган все-таки не дотерпел. Первый слепец и девушка в темных очках этого происшествия, естественно, заметить не могли. Под ногами у него расплывалась лужица, с исподу штанишек еще подкапывало. Но жена доктора как ни в чем не бывало провозгласила: Ну, идемте, идемте скорей уборную искать. Слепцы простерли руки, отыскивая друг друга, однако девушка в темных очках заявила, что не пойдет перед нахалом, который ее щупал и тискал, так что вора и первого слепца поменяли местами, а между ними стал доктор. Вор сильно хромал, подволакивал ногу. Рана болела и от давящей повязки пульсировала так, словно с левой стороны груди сердце переместилось туда. Девушка в темных очках снова взяла мальчика за руку, но он, насколько хватало этой самой руки, старался держаться как можно дальше, опасаясь, что кто-нибудь обнаружит его оплошность, как доктор, например, который потянул носом и сказал: Впечатление такое, что мочой пахнет, и жене пришлось впечатление это подтвердить: Да, в самом деле, не могла же она сказать, что это несет из сортиров, ибо до них было еще далеко, и, притворяясь слепой, в равной мере не могла объявить, что запах исходит от мокрых штанишек.

По дороге единогласно решили, что первым надо будет пустить мальчика. Но когда наконец добрались до места, мужчины, не соблюдая старшинства и без учета того, насколько остра потребность, зашли все вместе, тем более что индивидуальных писсуаров здесь, как и следовало ожидать, не было. Женщины остались у двери, говорят, они терпеливей, однако всякому же терпению есть предел, и через минуту жена доктора сказала: Может быть, тут есть еще туалеты, на что девушка в темных очках отвечала: Я пока могу подождать, а жена доктора сообщила: Я – тоже, после чего пошел такой разговор: Как с вами это случилось. Как со всеми, перестала вдруг видеть. Дома. Нет. Когда побывали на приеме у моего мужа. Ну, более или менее. Что значит – более или менее. Значит, что не сразу после этого. Больно было. Нет, открыла глаза и ослепла. А я нет. Что нет. Я не закрывала глаза, ослепла, когда муж сел в санитарную машину. Повезло. Кому. Мужу вашему, вы же вместе с ним. Ну, значит, и мне тоже. Значит, и вам. А вы замужем. Нет, и думаю, отныне никто не будет жениться и выходить замуж. Знаете, что я вам скажу: этот вид слепоты настолько необычен, до такой степени противоречит всей науке, что вечно продолжаться не может. А если мы останемся такими на всю жизнь. Кто мы. Ну, мы все. Это будет ужасно, подумать только – мир, состоящий из одних слепцов. Даже думать об этом не желаю.

Первым из дверей сортира вышел косоглазый мальчуган, которому туда, впрочем, и заходить-то было незачем. Штаны у него были закатаны до середины икр, носки сняты. Я здесь, произнес он, и девушка в темных очках двинулась на звук его голоса, но не с первой и не со второй, а только с третьей попытки руке ее удалось нащупать его вытянутую навстречу блуждающую ручку. Вскоре появился доктор, следом за ним первый слепец, и один из них спросил: Где вы, и жена доктора уже сжимала руку мужа, а за другую ее руку цеплялась девушка в темных очках. Первому слепцу несколько секунд не за кого было взяться, но вот и ему кто-то положил руку на плечо. Все в сборе, спросила жена доктора. Нет, наш раненый справляет другую нужду, ответил ей муж. Тогда сказала девушка в темных очках: Может быть, все-таки есть тут еще туалеты, а то мне как-то не по себе, простите. Пойдем поищем, сказала жена доктора, и, взявшись за руки, обе удалились. Назад пришли через десять минут: нашли врачебный кабинет с примыкавшим к нему туалетом. Вор уже вышел наружу, жалуясь, что зябнет и что нога болит. Выстроились вереницей в том же порядке, что и раньше, и без приключений почти уже привычной дорогой вернулись в палату. Жена доктора еще в коридоре и так, словно это само собой разумелось, объяснила, как узнать, где чье место: проще всего будет отсчитывать кровати начиная от двери. Наши, сказала она, будут последние в правом ряду, девятнадцатая и двадцатая. Первым по проходу двинулся вор. Он был почти гол, его бил озноб, он хотел пристроить поудобнее поврежденную ногу, и все это служило достаточным основанием для того, чтобы уступить ему приоритет. Пошел, отсчитывая койки и шаря под каждой в поисках своего чемодана, а когда обнаружил его, объявил вслух: Вот он, и добавил: Четырнадцатая. Слева или справа, спросила жена доктора. Слева, ответил тот с легким недоумением: чего, мол, спрашиваешь, сама, что ли, не знаешь. Следующим был первый слепец. Он знал, что его кровать – через одну от кровати вора, в том же ряду, и теперь уже не боялся ночевать рядом: судя по вздохам и постанываниям, тот опасности не представлял, еле шевелился. Шестнадцатая слева, сказал слепец и улегся не раздеваясь. Тогда девушка в темных очках попросила еле слышно: Можно, мы где-нибудь рядом с вами, в другом ряду и чуть подальше, там будет хорошо. Четверо прошли вперед и очень скоро расположились. Через несколько минут подал голос косоглазый мальчик: Я кушать хочу, и девушка в темных очках отозвалась: Завтра, завтра нас покормят, а сейчас спи. Потом открыла сумку, достала купленный в аптеке пузырек. Сняла очки, запрокинула голову, широко открыла глаза и, направляя одну руку другой, пустила капли. Не все попали куда надо, но можно не сомневаться, что с конъюнктивитом, если взяться за лечение всерьез, скоро будет покончено.

* * *

Надо открыть глаза, подумала жена доктора. Ночью она несколько раз просыпалась и сквозь опущенные веки различала мертвенное свечение ламп, скудно озарявших палату, но сейчас показалось, что свет изменился: то ли это первый проблеск зари, предутренние сумерки за окном, то ли уже подступает к самым глазам белесая молочная муть. Досчитаю до десяти, сказала она себе, и на счет десять открою глаза, два раза сказала она это, два раза досчитала до десяти, но глаза так и не открыла. Она слышала глубокое дыхание мужа, доносящееся с соседней кровати, чье-то похрапывание: Интересно, как нога у бедняги, подумала она, зная, что сочувствует неискренне, а притворяется, заслоняясь другой заботой, на самом же деле просто не хочет открывать глаза. Они открылись сами, в следующий миг, просто открылись – не потому, что она приняла такое решение. В окна, начинавшиеся на середине стены и кончавшиеся под самым потолком, тускло сочился голубоватый рассвет. Я не ослепла, пробормотала она и тотчас в испуге привстала: не услышала бы девушка в темных очках, спавшая ближе к окну. Но та и вправду спала. Спал и мальчик на койке у стены. Вроде меня, подумала о девушке жена доктора, тоже думает, что за ней он – как за каменной стеной, какие там стены, какие камни, один камешек на дороге, и одна надежда – споткнется о него враг, что еще за враг, никто на нас не собирается нападать, вот если бы не приехали и не забрали нас, тогда вполне могли бы и ограбить, и убить, и ведь никогда еще тот, кто угнал автомобиль, не был так уверен в своей безнаказанности, и как же далеко мы от мира, в котором скоро перестанем узнавать, кто мы, и не вспомним даже, как нас зовут, да и зачем, для чего нужны нам имена, одна собака узнаёт другую не по кличке, нами данной, а по запаху, и мы здесь – словно какая-то особая порода собак, узнаем друг друга по лаю, по голосу, а все прочее – черты лица, цвет глаз и волос – не в счет, как бы и не существует, я куда вижу, но как долго это еще продлится. Свет изменился, но ведь не может так быть, чтобы ночь возвращалась, должно быть, тучи заволокли небо, оттого и отсрочился приход утра. С койки, на которой лежал вор, донесся стон. Если рана нагноится, подумала жена доктора, нам нечем его лечить, у нас ничего нет, малейшая, самая ничтожная неприятность обернется в этих условиях настоящей бедой, может, они того только и ждут, только и хотят, чтобы перемерли мы здесь один за другим, даром же говорится, не бойся яда от дохлого гада. Жена доктора поднялась с кровати, нагнулась к мужу, чтобы разбудить его, но не хватило духу вырвать его из сна, чтобы убедиться, что по-прежнему слеп. Босиком осторожно подошла к койке вора. Глаза его были открыты и неподвижны. Как вы себя чувствуете, спросила она шепотом. Вор повернул голову на звук и сказал: Плохо, болит очень. Дайте-ка я взгляну, хотела было сказать жена доктора и вовремя прикусила язык – какая неосторожность, как можно забыть, что здесь никто глядеть не может, она чуть не произнесла эти слова бездумно, как поступила бы всего несколько часов назад там, за стенами, если бы врач сказал: Покажите-ка, и приподняла одеяло. Даже в этом полумраке имеющий глаза увидел бы набрякший кровью матрас и черную, с воспаленными краями, дырку раны. Повязка ослабела. Жена доктора осторожно опустила одеяло, потом легко и быстро коснулась ладонью лба. Кожа была суха и горяча. Снова изменился свет: это отодвинулись застывшие его облака. Она подошла к своей койке, но больше уже не ложилась. Поглядела на мужа, что-то бормочущего во сне, на очертания фигур под серыми одеялами, на грязные стены, на пустые, ожидающие кровати и бестрепетно пожелала себе тоже ослепнуть, чтобы сквозь зримую оболочку вещей проникать внутрь, в сердцевину, в их блистательную и непоправимую слепоту.

Внезапно откуда-то снаружи, скорей всего из вестибюля, разделяющего два крыла здания, донесся яростный гул голосов, выкрикивавших: Пошли вон, пошли вон. Убирайтесь. Выметайтесь. Вам здесь нельзя. Выполняйте приказ. Гул нарастал и вдруг ослабел, с грохотом захлопнулась дверь, и теперь слышались только горестные рыдания и тот характерный звук,

какой бывает, когда кто-нибудь споткнется и рухнет со всего маху. В палате все уже проснулись. Повернули головы к дверям, и совершенно не обязательно быть зрячим, чтобы понять – шум этот производят, входя в карантин, новоприбывшие слепцы. Жена доктора поднялась, собираясь по своей воле и охоте подойти к ним, встретить, сказать доброе слово, провести их до коек, растолковывая: Вот эта – седьмая слева, эта – четвертая справа, не перепутайте, да, нас здесь шестеро, да, вчера, да, первыми, да какая разница, кого как зовут, один ограбленный, другой грабитель, еще таинственная девушка в темных очках, которая глазными капельками лечит конъюнктивит, откуда я знаю, что она в темных очках, ну, как откуда, мой муж – глазной врач, она была у него на приеме, да, он тоже здесь, ваша правда, это никого не минует, и еще косоглазый мальчик. Но не двинулась с места, только сказала мужу: Прибыли. Доктор слез с кровати, жена помогла ему натянуть брюки, хотя можно было бы и не делать этого, все равно никто не видит, и в эту минуту стали входить слепые, пятеро – трое мужчин и две женщины. Доктор сказал громко: Не волнуйтесь, не спешите, места всем хватит, нас здесь шестеро, а вас сколько. Они не знали, сколько их: разумеется, когда их выволакивали из левого крыла в вестибюль, они соприкасались, а иногда и сталкивались друг с другом, но сколько их, не знали. И вещей у них с собой не было. Когда утром они проснулись слепыми и принялись плакать и жаловаться, соседи тут же безжалостно прогнали их прочь, не дав даже попрощаться с теми друзьями или родными, кто был с ними. Сказала жена доктора: Лучше всего будет, если вы, как в армии, рассчитаетесь по порядку номеров. Оторопелые слепцы замаялись, но кому-то ведь надо было начать, и двое мужчин, откликнувшись, как это бывает, разом, тотчас осеклись, и тогда произнес третий: Первый, и помолчал, словно хотел назвать свое имя, но вместо этого сказал: Я сотрудник полиции, а жена доктора подумала: Он не сказал, как его зовут, значит, тоже понял, что это теперь не важно. Второй, представился второй и по примеру первого добавил: Таксист. Третий, сказал третий, в аптеке работаю. Потом женский голос произнес: Четвертая, горничная в отеле. И наконец: Пятая, служу в конторе. Это моя жена, моя жена, вскричал самый первый слепец, где ты, скажи мне, где ты, откликнись. Я здесь, здесь, заплакала та и шаткой поступью двинулась по проходу, обеими руками выгребая в молочной пучине, заполнявшей ее выпученные глаза. Муж куда уверенней, чем она, пошел навстречу, шепча как молитву: Где ты, где ты. Руки их встретились, в следующую секунду они уже обнялись, прильнули друг к другу, став и в самом деле плотью единой, тянулись с поцелуями, иногда промахиваясь, ибо не знали, где щеки, где глаза, где рот. Жена доктора вцепилась в него, зарыдала, словно тоже истосковалась в разлуке, но сказала так: Какое несчастье обрушилось на нас на всех. Тут раздался голос косоглазого мальчика, спрашивавшего: Моя мама тоже здесь. Присев к нему на кровать, прошептала девушка в темных очках: Она скоро придет, не волнуйся, придет обязательно.

Истинный дом – это место, где человек ночует, и потому не следует удивляться, что перво-наперво озаботились новоприбывшие выбором койки, как поступали они, впрочем, и в иных палатах или, скажем, чертогах в те времена, когда еще были зрячими. Насчет жены первого, самого первого слепца сомнений не возникало: ее законное и естественное место – рядом с мужем, на семнадцатой койке, которую пустующая восемнадцатая отделяла, как пробел, от девушки в темных очках. Ничего нет удивительного и в том, что все жмутся друг к другу как можно плотнее, руководствуясь давним ли родством, неожиданно ли обнаружившейся близостью, как, например, у помощника провизора, который отпустил девушке в темных очках глазные капли, или у таксиста, который доставил первого слепца к врачу, или у того, кто представился полицейским, а в свое время обнаружил на улице слепого вора, плакавшего навзрыд, как потерявшийся ребенок, что же касается горничной в отеле, то это именно она первой вбежала в номер, где исходила криком девушка в темных очках. Тем не менее не все эти вдруг выявившиеся узы близости и родства будут оглашены, явлены, зримы и ведомы – то ли потому, что не всегда представится для этого случай, то ли в силу слабости, извините за неуклюжий

оборот, воображения, отказывающегося признать само их существование, то ли из соображений простого такта. Горничной и во сне бы не привиделось, что она может встретить здесь девицу, которая в номере отеля предстала перед нею в самом непотребном виде, об аптекаре известно, что отпускал он глазные капли и другим людям, носившим темные очки, полицейскому никто опрометчиво не выболтает, что здесь угонщик автомобилей, таксист поклялся бы, что в последние дни не возил ни одного слепца. Естественно, первый, самый первый слепец успел шепнуть жене, что среди них находится тот прохвост, что украл у них машину: Нет, ну ты представь, какое совпадение, но, поскольку уже знал, что рана в скверном виде, великодушно добавил: Получил по заслугам, и хватит с него. Поскольку горе и радость в отличие от воды и масла прекраснейшим образом перемешиваются, жена, одновременно и убитая горем оттого, что ослепла, и вне себя от радости, что вновь обрела мужа, даже не вспомнила, как два дня назад готова была отдать год жизни, чтобы этот подонок – именно так она его назвала – тоже ослеп. И если даже еще гнездились где-то в глубине ее души последние остатки злобы, то и они улетучились, когда раздался жалобный стон: Доктор, пожалуйста, помогите мне. Доктор, направляемый женой, осторожно ощупал края раны, больше он ничего сделать не мог: даже промывать не стоило, потому что неизвестно, острый ли каблук туфельки, топтавшей уличные мостовые и здешний больничный пол, усугубил инфекцией нанесенную им же колотую рану, или же виною тому были патогенные бактерии, без сомнения кишевшие в затхлой, полупротухшей воде, которая текла по старым, проржавевшим трубам, сто лет не знавшим замены. Девушка в очках поднялась, услышав стон, медленно, отсчитывая койки, направилась в ту сторону. Наклонилась, вытянула руку, задев щеку жены доктора, и потом, сама не зная как, нащупала обжигающе горячую руку раненого, горестно сказала: Вы простите меня, это я во всем виновата, не надо мне было делать то, что сделала. Да бросьте, отвечал он, в жизни всякое бывает, я тоже не по делу выступил.

Почти заглушив его последние слова, грянул громкоговоритель над дверью: Внимание, внимание, настоящим объявляется, что продовольствие, а также предметы гигиены и моющие средства, доставленные к дверям, первыми получают пациенты правого крыла, инфицированные будут оповещены особо, внимание, внимание, продовольствие доставлено, первыми идут слепые, повторяю, первыми выходят слепые. Раненый, у которого от жара мутилось в голове, не разобрал толком смысл сообщения, решил, что его вызывают наружу, что срок заключения истек, и сделал попытку привстать, но жена доктора удержала его: Вы куда. Не слышали разве, объявили же: первыми идут слепые. Паек идут получать. А-а, разочарованно протянул раненый и в очередной раз скривился от боли, вгрызавшейся ему в бедро. Сказал доктор: Оставайтесь здесь, я схожу. Я с тобой, сказала жена. Когда они шли к дверям палаты, кто-то из новичков спросил: Это кто, и первый слепец ответил: Врач, глазной врач. Вот уж точно, заметил таксист, бедному жениться – ночь коротка: если и попадется доктор, то уж такой, от кого никакого проку, не вылечит он нас. Нам и таксист попался, саркастически отозвалась девушка в темных очках, да только никуда он нас не отвезет.

Ящик с продуктами стоял в вестибюле. Доктор попросил жену: Подведи меня к дверям. Зачем. Я скажу, что у нас тяжелый больной, а лекарств никаких нет. Ты разве не помнишь, о чем предупреждали. Помню, но, быть может, узнав о конкретном случае, они. Сомневаюсь. Я тоже, но попытаться надо. Вступив на крыльцо, жена доктора почувствовала, что от света у нее закружилась голова, хотя день был скорее пасмурный, по небу плыли тучи и собирался дождь. Как быстро я отвыкла, подумала она. В тот же миг часовой у ворот крикнул им: Эй, назад, стрелять буду, и, уже вскидывая карабин, позвал: Сержант, тут двое выйти хотят. Да не хотим мы выйти, ответил доктор. Это хорошо, что не хотите, сказал сержант, подходя к внешней створке ворот, и через прутья ограды спросил: Ну а чего надо. Один из наших повредил ногу, рана сильно воспалилась, не исключена вероятность сепсиса, срочно нужны антибиотики и другие препараты. Мне было ясно сказано: никого не выпускать, а впускать – только если провиант

несут. Если начнется заражение, а оно наверняка начнется, больной погибнет, и в самом скором времени. Меня это не касается. Тогда доложите своему начальству. Слушай-ка, ты, чурбан безглазый, я не доложу, а положу сейчас вас обоих на месте, а ну назад, живо. Пойдем, сказала жена доктора, с ними ничего не поделаешь, они не виноваты – перепуганы и выполняют приказ. Не хочу верить, что происходит такое бесчеловечное попрание всех законов. А лучше поверь, потому что никогда еще не предъявляли тебе такой очевидной истины. Вы еще здесь, гаркнул сержант, чтоб на счет три исчезли оба, иначе, как бог свят, тут навсегда и останетесь, ну, ра-а-аз, два-а-а, три-и-и-и, вот и ладно, самое действенное средство, и, обращаясь к солдатам, добавил: Да будь он мне хоть брат родной, не объясняя, имеет ли он в виду того, кто вышел попросить медикаментов, или у которого рана нарываяет. И этот второй спросил, когда они вернулись в палату, дадут ли лекарств. Откуда вы знаете, что я ходил просить лекарства. Ну, раскинул умом, ведь вы же врач. К сожалению. Значит, не дадут. Нет. Ну и ладно.

Еда, то есть молоко и галеты, была рассчитана строго на пятерых, но тот, кто рассчитывал, позабыл про чашки и тарелок не предусмотрел, как, впрочем, и ложек, все это, вероятно, должны были привезти к обеду. Жена доктора напоила молоком раненого, но его вырвало. Таксист заявил, что молоко не любит, спросил, нет ли кофе. Одни после завтрака снова улеглись на кровати, первый слепец повел жену показывать, где тут что, и они были единственными, кто покинул палату. Аптекарь, спросив разрешения, подсел к доктору и осведомился, какого тот мнения относительно постигшей их всех болезни. Не уверен, что мы имеем дело с болезнью в полном смысле слова, для начала уточнил доктор и в сильно упрощенном и сокращенном виде пересказал все, что успел вычитать в книгах до того, как ослеп. Таксист, отделенный от беседующих несколькими койками, с интересом прислушивался к беседе и, когда доклад был окончен, сказал: А я так думаю, вся штука в том, что забились каналы, ведущие от глаз к мозгам. Болван, негодуяще буркнул себе под нос фармацевт. Не исключено, невольно улыбнулся доктор, может, так оно и есть, ведь глаза – это не более чем линзы, объективы, видит-то на самом деле мозг, образ появляется, как на киноленте, и если перекрыть доступ, то и в самом деле. Ну да, это же вроде карбюратора: не поступит туда бензин, значит мотор не заведется и машина не поедет. Видите, как все просто, сказал доктор фармацевту. А сколько, по-вашему, доктор, мы тут еще пробудем, спросила горничная. По крайней мере, пока не прозреем. А когда это будет. Честно говоря, не думаю, что у кого-нибудь есть ответ на ваш вопрос. Но все-таки это временно или навсегда. Дорого бы я дал, чтобы узнать это. Горничная вздохнула и, помолчав минуту, сказала: А еще мне хотелось бы понять, что все же стряслось с той девушкой. С какой девушкой, спросил аптекарь. Да из отеля, ох, ну я и перепугалась, вхожу, а она стоит посреди номера в чем мать родила, из всей одежды только темные очки на носу, и орет как резаная, что ослепла, я так полагаю, она меня и заразила. Жена доктора взглянула и увидела, как вышеупомянутая девушка медленно и словно бы невзначай сняла темные очки и спрятала их под подушку, при этом спрашивая косоглазого мальчика: Хочешь еще галету. И впервые за все время, проведенное тут, жена доктора, испытав такое чувство, как будто наблюдает в микроскоп за шевелением каких-то существ, которые даже не подозревают о ее присутствии, сочла это непристойным, недостойным: Я не имею права смотреть на тех, кто не может посмотреть на меня, подумала она. Дрожащей рукой девушка закапала свои капли. Всегда можно сказать, что это вовсе и не слезы текут у нее из глаз.

Когда спустя несколько часов громкоговоритель объявил, что можно забрать привезенный обед, первый слепец и таксист вызвались идти добровольцами на дело, для которого, в сущности говоря, зрение не очень-то и нужно, достаточно осязания. Коробки стояли довольно далеко от двери из коридора в вестибюль, и, чтобы отыскать их, пришлось опуститься на четвереньки, да при этом левой, вытянутой вперед рукой шарить по полу, а правой отвести роль и функцию третьей лапы, вернуться же без особых затруднений в палату удалось потому лишь, что жена доктора осуществила давно пришедшую ей в голову идею и, разорвав простыню на

полосы, смастерила из них нечто вроде веревки, один конец которой намертво крепится к ручке двери в палату, другой же будет обвязываться вокруг лодыжки того, кто снаряжается в поход за пропитанием. Посланные ушли, а пришли с тарелками и ложками, хотя продовольствия по-прежнему было на пятерых, что, по всей вероятности, объясняется тем, что начальник караула о появлении в левом крыле еще шестерых слепцов не знал по той простой причине, что когда стоишь за воротами, то, как ни всматривайся, едва ли разглядишь издали и в полутемном вестибюле какие-то перемещения. Таксист предложил сходить да объяснить, что, мол, еды не хватает, причем отправился один, отказавшись от спутников, и: Эй, нас не пятеро, а одиннадцать, крикнул солдатам, а тот же самый сержант ответил ему из-за ворот: Гуляй пока на просторе, скоро тесновато будет, тоном, который таксисту, судя по словам, сказанным по возвращении в палату: Похоже, он издевался надо мной, показался оскорбительным. Раздали порции поровну, поделив каждую пополам, так что вышло десять, ибо раненый по-прежнему отказывался от еды и только просил: Пить, ради бога, во рту пересохло. Кожа на лице у него чуть не трескалась от жара. Время от времени, словно не в силах больше терпеть прикосновение и тяжесть одеяла, он выпрастывал из-под него ногу, но тотчас снова прятал, потому что в палате было холодно, и продолжались эти эволюции на протяжении многих часов. Через правильные промежутки времени он постанывал и вдруг издавал задавленный всхлип, как если бы постоянная, ровно пульсирующая боль усиливалась до такой степени, что он не успевал приготовиться к ней, ухватить ее и удержать в пределах терпимого.

Ближе к вечеру пришли еще трое изгнанных из левого крыла. Жена доктора тотчас узнала регистраторшу, записывавшую пациентов у офтальмолога, а с нею были мужчина, с которым девушка в темных очках имела свидание в отеле, и тот грубый полицейский, который доставил ее домой. Только они успели добраться до коек и рассестись, причем регистраторша заливалась слезами, а двое других хранили оторопелое молчание и словно бы не вполне сознавали, что же с ними случилось, как внезапно с улицы донесся многоголосый заполошный крик, прорезаемый ревом команд. Слепые выжидательно повернули головы к двери. Они ничего не могли видеть, но знали, что должно произойти. Жена доктора, сидя рядом с мужем на кровати, шепнула: Вот и начинается обещанный тобой крошечный ад. В ответ он сжал ее руку: Не ходи, отныне и впредь ты ничего не сможешь сделать. Крики стихли, сменившись топотом в вестибюле: это, давя и отпихивая друг друга, целой толпой лезли в проем дверей слепцы, кто-то лишился чувств и остался валяться в коридоре, но основная масса, сцепясь в причудливые грозди или поодиночке, отчаянно, наподобие утопающих, простирая руки, хлынула в палату с таким напором, как если бы ее судорожными толчками извергала туда какая-то неодолимая внешняя сила. Топтали упавших. Сгрудившись поначалу в узком проходе, растеклись затем по тесным прогалинам между кроватями и, подобно кораблям, успевшим юркнуть в гавань до того, как шторм разыгрался всерьез, ошвартовались у причальной стенки, роль которой в данном случае исполняла койка, закричали, что место занято, ищите себе другое. Напрасно надрывался доктор, силясь объяснить, что есть и другие палаты, — те, кому койки не хватило, боялись затеряться в представавшем их воспаленному воображению лабиринте комнат, коридоров, закрытых дверей, крутых и лишь в самый последний момент обнаруживающихся, обрывающихся под ногой лестниц. Но поняли наконец, что вечно тут торчать нельзя, с мучительными усилиями вернулись к двери, дерзнули все же пуститься на поиски неизведанного. Те пятеро, которых доставили во вторую очередь, сумели, словно найдя последнее, покуда еще надежное убежище, переместиться поближе к первой шестерке. Только раненый одиноко и беззащитно лежал на четырнадцатой койке в левом ряду.

Через четверть часа в палате вновь установилось, за вычетом всхлипываний, причитаний, неясных шорохов и шумов обустройства, спокойствие, весьма, впрочем, далекое от безмятежного. Теперь все кровати были заняты. День кончался, мертвенно-тусклые лампы разгорелись, казалось, ярче. Тут раздался строгий голос громкоговорителя: В соответствии со

сделанным в первый день предупреждением мы повторяем правила внутреннего распорядка и поведения в карантине, требующие неукоснительного соблюдения со стороны помещенных в него лиц. Правительство страны, выражая глубокое сожаление по поводу того, что, во исполнение своего долга и в соответствии со своими полномочиями, вынуждено принять ряд безотлагательных и жестких мер по защите всеми имеющимися в его распоряжении средствами населения страны, оказавшейся перед лицом кризиса, вызванного, и так далее, и тому подобное. Когда голос смолк, грянул протестующий хор: Сидим взаперти, Все тут сдохнем, Права не имеют, А где врачи, которых нам обещали, это, кстати, было что-то новенькое, Говорили, врачи будут, медицинскую помощь обещали и даже полный курс лечения. Доктор не сказал, что если кому-нибудь нужен врач, то он перед ними. И никогда больше не скажет так. Ибо врач наложением рук не лечит, ему нужны лекарства, препараты, снадобья и зелья, растворы и таблетки, сочетания того и сего, здесь же нет и намека ни на что подобное, равно как и надежды что-либо получить. Да что лекарств – нет даже глаз, чтобы отметить синюшность, скажем, или, наоборот, покраснение кожных покровов, проистекающее от нарушения периферического кровообращения, и сколько раз эти внешние признаки, избавляя от необходимости проводить более детальные исследования, давали ясное и полное представление о клинической картине, или вот, например, состояние слизистых оболочек в сочетании с особенностями пигментации позволяет с высокой вероятностью судить о. Теперь, когда все соседние койки были заняты, жена не могла рассказывать доктору о том, что происходит, однако он нутром, что называется, чуял, какое напряжение, осязаемое почти физически, уже поцарапывающее предвестием скорого взрыва, склублилось в палате после прихода последней партии слепых. Да и самый воздух тут сделался тяжким, плотным, насытился и пропитался медленно перекачиваемыми волнами дурных запахов и внезапно выходящими на поверхность течениями чего-то совсем уж тошнотворного. Что же тут будет через неделю, спросил он себя и побоялся представить, что через неделю все они по-прежнему будут скучены и заперты здесь. Если даже предположить, продолжал размышлять он, что едой нас худо-бедно обеспечат, в чем я, кстати, совсем не уверен, то еще меньше у меня уверенности, что люди снаружи будут точно знать, сколько нас тут, и я не представляю себе, как осуществлять, скажем, простейшие гигиенические процедуры, не говоря уж о том, как мыться без посторонней помощи людям, совсем недавно потерявшим зрение, и потом, неизвестно, есть ли тут душевые, работают ли они, об этом, значит, я не говорю, а говорю обо всем прочем, стоит лишь раз забиться стокам, и мы захлебнемся в нечистотах. Он потер лицо ладонями и ощутил шероховатость трехдневной щетины: Да уж лучше так, надеюсь, им не взбредет в голову раздать нам лезвия или ножницы. У доктора в чемодане было припасено все необходимое для того, чтобы побриться, но сделать это он счел ошибкой: Да и потом, где это делать, не здесь же, при всех, побриться, разумеется, можно, но ведь остальные очень скоро поймут, что происходит, и сильно удивятся, что нашелся такой чистюля, а в душевой какое столпотворение начнется, и, о господи, как нужны нам глаза, видеть, видеть, различать хотя бы смутные тени, стоять перед зеркалом, глядеть на расплывающееся темное пятно и иметь право сказать себе: Вот мое лицо, а свет не мне принадлежит.

Но вот стихли мало-помалу протестующие голоса, и некто из соседней палаты возник в дверях с вопросом, не осталось ли какой еды, и ответивший ему таксист выразился так: Ни крошки, а помощник провизора, которого мы в дальнейшем для краткости будем звать просто аптекарем, решил доброжелательным участием сгладить лаконичский негатив ответа и добавил: Может быть, еще привезут. Не привезли. Настала ночь. Извне не поступало ни еды, ни звуков. За стеной сначала раздавались крики, потом все стихло, если кто там и плакал, то – тихонько, неслышно. Жена доктора пошла проведать раненого: Это я, сказала она и осторожно приподняла одеяло. Нога, равномерно вздутая отеком от колена до паха, выглядела пугающе, а сама рана, черный кружок в полиловевшей корке засохшей крови по краям, сильно увеличилась в размерах, как будто ткани распирало изнутри. От нее исходило сладковатое зловоние.

Как вы, спросила жена доктора. Спасибо, что пришли. Как вы чувствуете себя. Плохо. Болит. И да и нет. То есть. Ну, не знаю, как сказать, больно, однако нога как чужая, как будто уже отделилась от меня, говорю же, это трудно объяснить, странное такое ощущение, словно лежу здесь и смотрю, как она болит. Это потому, что жар у вас. Может, и так. Постарайтесь уснуть. Она положила ему руку на лоб, потом повела было ее обратно, но не успела даже вымолвить: Покойной ночи, как раненый, перехватив, дернул на себя, так что лица оказались вровень. Я знаю, вы видите, сказал он чуть слышно. Вздвогнув от неожиданности, она забормотала в ответ: Вы ошибаетесь, с чего вы взяли, что это вам в голову пришло, я вижу ровно столько же, сколько и все, кто здесь есть. Не старайтесь меня обмануть, я знаю, что вы видите, но не бойтесь, никому не скажу. Спите, спите. Не верите мне. Верю. Потому что я жулик. Сказала же, верю. Тогда почему не хотите сказать правду. Завтра поговорим, а сейчас спите. Ну да, а будет оно, завтра. Мы не должны думать о плохом. Я должен думать, иначе за меня будет думать лихорадка. Жена доктора вернулась к себе, прошептала мужу на ухо: На рану смотреть страшно, наверно, это гангрена. Едва ли, слишком уж быстро. Так или иначе, ему очень плохо. А нам, спросил доктор, намеренно повысив голос, мы мало того что слепые, так еще и связаны по рукам и ногам. С четырнадцатой в левом ряду койки донесся ответ: Меня, доктор, никто не свяжет.

Шло время, один за другим слепые засыпали. Кое-кто натягивал на голову одеяло, словно хотел, чтобы тьма, настоящая, черная тьма, решительно покончила с белесой мутью, плавающей перед глазами. Три лампы, подвешенные высоко, не достанешь, лили с потолка грязновато-желтый свет, не дающий теней. Сорок человек спали или пытались заснуть, вздыхали, бормотали спросонок и, быть может, видели во сне то, что хотели увидеть, и, быть может, говорили: Если это сон, не хочу просыпаться. Часы у всех остановились: кто забыл завести, а кто решил, что ни к чему это теперь, и только на запястье у жены доктора еще двигались по циферблату стрелки. Было начало четвертого. Вор очень медленно приподнялся, присел в кровати, опираясь на локти. Ногу он не чувствовал, там оставалась одна только боль, все прочее ему уже не принадлежало. Колено почти не сгибалось. Он свесил здоровую ногу вниз, перенес на нее тяжесть тела, потом, взявшись обеими руками за бедро больной, попытался спустить и ее. В тот же миг волчья стая боли пронизала тело по всем направлениям, чтобы сразу же вслед за тем убраться в свое логово, где ей было еще чем подкормиться. Опираясь на руки, подтягиваясь, он пядь за пядью передвигал свое тело по кровати от изголовья к ногам. Когда добрался до спинки, пришлось передохнуть. Дышалось трудно, как в приступе астмы, бессильно падала на грудь голова. Через несколько минут, когда выровнялось дыхание, он начал медленно подниматься, становясь на одну ногу. Он знал, что от второй толку никакого не будет, куда ни пойдешь, ее ненужным балластом придется тащить за собой. Все плыло перед глазами, и неудержимая дрожь, в медицине именуемая потрясающим ознобом, колотила его так, что лязгали зубы. Хватаясь за железные спинки кроватей, переползая от одной к другой, продвигался он меж спящими. Волоком, как неподъемную кладь, перетаскивал больную ногу. Никто не проснулся, никто не спросил его: Куда собрался в такой час, а и спросили бы, он знал, что ответит: Отлить, лишь бы только жена доктора не окликнула, потому что ей врать не хотелось и обманывать ее – тоже, а раз так, пришлось бы сказать, что он задумал: Гнить здесь больше не собираюсь, муж ваш, конечно, сделал все, что было в его силах, но, знаете, когда я, бывало, на дело шел, машину угонять, я же не просил кого-то угнать ее для меня, ну, вот и здесь самому надо, когда они увидят, на что я похож, сообразят, что мне очень плохо, вызовут карету да свезут в больницу, наверняка есть больницы только для слепых, одним пациентом больше, одним меньше – разницы никакой, там займутся моей ногой, полечат ее, я слышал, что даже приговоренным к смерти оказывают медицинскую помощь, операцию делают, если аппендицит или там еще что, а уж потом только казнят, чтоб, как говорится, здоровеньким на тот свет пошел, вот и со мной так будет, потом, если надо, пусть опять сюда сажают, мне это все равно. Он проковылял еще

немного, стиснув зубы, чтобы не стонать, но все же не сумел сдержаться и придушенно взвыл, когда, уже у самых дверей, потерял равновесие и ступил на больную ногу. Это вышло из-за того, что сбился со счета: думал, что будет еще пара кроватей, а шагнул в пустоту. Рухнул на пол и затих, замер, пока не убедился, что никого не разбудил. Потом его осенило, что лежащее положение слепцу пристало больше: если ползти на четвереньках, легче найти дорогу. Так он выбрался в вестибюль и остановился, чтобы обдумать, как теперь поступить: подать ли голос с крыльца или подобраться к самой ограде, держась за натянутую веревку, ее еще наверняка не убрали. Он отчетливо сознавал, что, если попросит помощи издали, могут сейчас же завернуть назад, но смущало, что после всех этих мучений, испытанных, несмотря на мощную поддержку железных кроватей, единственной опорой ему теперь будет всего лишь тонкая, свободно провисающая веревка. Через несколько минут ему показалось, что решение найдено: Поползу на четвереньках, подумал он, под веревкой, а время от времени буду поднимать руку, проверять, не сбился ли с пути, это ведь то же самое, что машины угонять, – на каждый случай найдется свой способ. Внезапно и без зова проснулась в нем совесть и с суровым упреком спросила, как это у него рука поднялась на машину несчастного слепца. Я сейчас так влип не потому, попытался возразить он, что машину угнал, а потому, что довез его до дому, вот тут я, конечно, маху дал. Но дешевой софистикой совесть не проймешь, и доводы ее были ясны и просты: Слепец есть лицо неприкосновенное, слепцов грабить нельзя. Да я, строго говоря, его и не грабил, машину он в кармане не носит, и в темном переулке пушку я ему ко лбу не приставлял, отбредившись обвиняемый. Кончай демагогию разводить, огрызнулась совесть, ползи куда полз.

Холодный ночной воздух освежил лицо. Как хорошо здесь дышится, подумал вор. Показалось даже, что и нога меньше болит, но это его не удивило: так бывало раньше, и не раз. Он уже стоял на крыльце, скоро должны быть ступеньки. Это самое трудное – спускаться головой вперед. Поднял руку, проверяя веревку, и двинулся. Как он и предвидел, переползая со ступеньки на ступеньку было нелегко, особенно если нога не помощь, а помеха, что и подтвердилось в следующий миг, уже на середине лестницы, когда рука соскользнула с каменной ступени и все тело, увлекаемое балластом проклятой ноги, завалилось на бок. Моментально ударила кувалдами, вонзилась сверлами, вгрызлась пилами боль, он и сам не знал, как сумел сдержать крик. Несколько долгих минут лежал ничком, лицом в землю. От скользнувшего по коже быстрого ветерка вновь затрясло. Он был в рубашке и в трусах. Вся поверхность раны соприкасалась с землей, и пришедшая в голову мысль: Как бы столбняка не было, на самом деле была глупой мыслью, потому что полз он от самых дверей палаты. Ладно, плевать, успеют вылечить, подумал он, успокаивая себя, и посунулся в сторону, чтобы дотянуться до веревки. Обнаружилась она не сразу. Вор забыл, что перед тем, как покатился со ступеней, натянута она была строго перпендикулярно, а инстинкт заставил его остаться на месте. Теперь включился здравый смысл, медленно повел его назад, пока он поясницей не ощутил каменную грань ступеньки, поднятой рукой – шершавое прикосновение веревки, а душой – ликование победителя. Это же торжествующее чувство, наверно, вразумило его, как двигаться, чтобы рана не терлась о землю: сел, повернулся спиной к воротам и начал перемещаться короткими рывками, отталкиваясь от земли кулаками взамен тех утюжков, которыми в старину пользовались безногие на тележках. Да, спиной вперед, потому что в этом случае, как и в любом другом, толкать лучше, нежели тянуть. Так и ноге легче, да и дорога, к счастью, под уклон. Веревку он потерять не боялся: она постоянно задевала его голову. Спросил себя, далеко ли еще до ворот, но понял, что так вот, по-крабы, ползти задом наперед, каждый раз перенося тело на полпяди или того меньше, – совсем не то что на своих двоих, да хоть бы и на одной. Позабыв на миг о своей слепоте, оглянулся на ворота, чтобы понять, долго ли еще корячиться, но увидел лишь все ту же бездонную белизну. Сейчас день или ночь, спросил он себя и сообразил: Если бы день, меня бы давно засекли, а кроме того, завтраком кормили только раз, и было это много часов назад. Сам удивился, откуда это вдруг взялась в нем способность к логическому мышлению, пора-

довался тому, как стремительно и точно он соображает и делает выводы, почувствовал, что сильно переменялся, просто другой человек стал, и, если бы не эта напасть с ногой, поклялся бы, что еще никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо. Ткнулся спиной в нижнюю, окочеванную железом часть ворот. Добрался, значит. Часовому, от холода спрятавшемуся в караульную будку, почудился какой-то странный шорох, природу коего он объяснить не мог, но уж, во всяком случае, не допускал, что кто-то может идти от здания клиники, должно быть, ветер коротко шевельнул листву, легко провел ветвями дерева по ограде. Но тут в уши часовому ударил новый, другой звук, именно что это был звук удара, и ветру бы так не врезать. Обеспокоенный солдат вышел из будки, снял автомат с предохранителя, взглянул в сторону ворот. И ничего не увидел. Но звук повторился и усилился: казалось, кто-то скребет когтями по неровной поверхности. По воротам, подумал солдат. Сделал было шаг к палатке, где спал сержант, но остановился, подумав, что за ложную тревогу взгреют по полной, караульные начальники не любят, когда их будят, даже если есть на то веские основания. Снова взглянул на ворота, замер в напряженном ожидании. И увидел призрачно-медленно возникающее между прутьями ограды белое лицо. Лицо слепого. Солдат помертвел от страха и от страха же, вскинув автомат к плечу, в упор дал очередь.

На слитный грохот выстрелов почти немедленно из палаток повыскакивали полуодетые солдаты, несшие охрану психиатрической больницы и тех, кого туда поместили. Что такое, чего стрелял, уже орал сержант. Слепец, слепец, бормотал часовой. Где. Вон, и стволом автомата показал на ворота. Ничего не вижу. Он был там, я видел. Караульные тем временем застегнулись, заправились, приладили свою сбрую, стали в шеренгу, взяв оружие к ноге. Давай прожектор, приказал сержант. Один из солдат вскарабкался в кузов. Через несколько секунд ослепительный луч полоснул по воротам, по фасаду клиники. Нет никого, видел он его, во сне ты его увидел, урод, сказал сержант и только собрался добавить еще несколько армейских любезностей в том же роде, как вдруг заметил: под воротами в неистовом свете прожектора расплывается черная лужа. Вроде бы ты его убил, сказал сержант и, вспомнив строжайшие приказы начальства, крикнул: А ну, всем пять шагов назад, это заразно. Солдаты попятнулись в страхе, но не сводили глаз с кровавой лужи, растекавшейся по зазорам между камнями, которыми была вымощена дорожка. Думаешь, убил, осведомился сержант. Скорей всего, я выпустил весь магазин прямо ему в лицо, отвечал часовой, теперь уже гордясь столь явным доказательством своей меткости. В этот миг кто-то из солдат крикнул: Сержант, сержант, гляньте-ка туда. На крыльце в белом сиянии мощного прожектора стояло еще больше десятка слепых. Ни с места, гаркнул сержант, вот только дернись кто, сито сделаю. В нескольких окнах соседних домов уже вспыхнул свет, замелькали испуганные лица разбуженных выстрелами жильцов. Эй, четверо сюда, забрали труп, крикнул сержант. Поскольку слепые не могут видеть, а значит, считать, на зов двинулись шесть человек. Четверо, я сказал, истерически завопил сержант. Слепцы ощупали друг друга раз и другой, двое остановились. Четверо, держась за веревку, побрели к воротам.

* * *

Надо найти лопату, что ли, какую-нибудь или, не знаю, заступ, яму выкопать, сказал доктор. Было утро, они уже с большим трудом перенесли убитого за дом, положили на заваленную мусором, засыпанную опавшей листвой землю. Теперь надо было предать ей тело. Только жена доктора знала, в каком оно состоянии: лицо и череп разворочены пулями, три дырки в шее и в груди. Знала она и то, что во всем доме нет ничего пригодного для рытья могил. Она обошла всю территорию, предоставленную им для проживания, но ничего, кроме железного прута, не обнаружила. Пригодится, только этого мало. А в закрытых окнах левого крыла, где размещались обсервационные палаты, виднелись помертвевшие лица людей, ожидавших, когда пробьет

их час, вернее, придет та неминуемая минута, когда надо будет сказать другим: Я ослеп, или когда их, пытающихся скрыть это, выдаст неловкое движение, поворот головы вслед за мелькнувшей тенью, странная для зрячего спотыкливость на ровном месте. О том, что инструментов нет, знал и доктор, и произнес он эту фразу, подыгрывая жене, которая теперь могла осведомиться: А что, если попросить солдат перебросить нам лопату. Удачная мысль, надо попробовать, и все признали, что мысль и вправду удачная, и одна лишь девушка в темных очках словечка не вымолвила по вопросу обеспечения шанцевым инструментом, она вообще только плакала и бормотала: Это я виновата, и отрицать ее вину было бы глупо, но, с другой стороны, пусть послужит ей утешением то обстоятельство, что вздумай мы предвирать каждое наше деяние размышлением о последствиях оно, вначале неизбежных, затем вероятных, затем возможных, затем предполагаемых, то, право слово, не сдвинулись бы с того места, на котором застигла нас первоначальная мысль. Добрые и злые плоды наших поступков и слов будут распределяться, надо полагать, более или менее поровну, с соблюдением известного равновесия, на все дни, отпущенные нам в будущем, включая даже и те, что, кроясь в неразличимой дымке времен, освободятся от нашего присутствия, мы же, в свою очередь, – от возможности похвалить себя или осудить, причем иные утверждают, что это вот оно самое и есть – бессмертие, о котором идет столько разговоров. Может быть, и так, но этот человек мертв и должен быть погребен. И потому доктор с женой вызвались идти парламентарями, а безутешная девушка в темных очках сказала, что пойдет с ними, чтобы совесть не так мучила. Едва лишь показали в дверях, как часовой крикнул: Стой, ни с места, и, опасаясь, вероятно, что устный приказ, даже столь энергично отданный, не возымеет должного действия, выстрелил в воздух. Оробелая троица скрылась под сень полутемного вестибюля, за толстую створку полуоткрытой двери. Тогда жена доктора, рассудив, что может видеть и предвидеть действия часового и, значит, в случае надобности спрятаться, решила идти одна. Не можем похоронить покойника, сказала она, лопата нужна. У ворот, но не там, где застрелили вчера вора, а с внешней стороны, появился еще один военный. Тоже сержант, но другой. Чего надо, крикнул он. Лопату или заступ. Нет здесь ничего, проваливай отсюда. Но мы не можем похоронить убитого. Не можете, и не надо, пускай себе гниет. Но если оставить труп без погребения, он начнет разлагаться и отравлять воздух. Ну и пускай себе отравляет. Воздух, знаете ли, на одном месте не стоит, вам тоже несладко придется. Основательность приведенного довода заставила воина призадуматься. Его прислали на замену караульного начальника, который ночью ослеп и был немедленно отправлен туда, где собирали больных, относящихся к сухопутным войскам. Излишне говорить, что авиация и флот располагают собственными лечебными учреждениями, только помельче и поплотнее, поскольку и личного состава в этих видах вооруженных сил поменьше. Она дело говорит, вынужден был признать сержант убедительность аргументации, в таких случаях лучше перебдеть. В качестве превентивной меры двое солдат, надев противогазы, уже давно вылили в кровавую лужу две здоровенные бутылки аммония, от последних испарений которого до сих пор режет глаза, першит в горле, свербит в носу у всего караула. Сейчас что-нибудь придумаем, объявил наконец сержант. И еды бы хорошо, воспользовалась случаем жена доктора. Еды еще не привозили. Только в нашем крыле уже больше пятидесяти больных, мы голодаем, того, что даете, не хватает. Армия снабжением не занимается. Но кто-то же должен решить этот вопрос, правительство взяло на себя обязательства кормить нас. Вот что, идите-ка внутрь, здесь стоять нечего. Лопату дайте, крикнула жена доктора, но сержант уже ушел. Незадолго до полудня зазвучал громкоговоритель: Внимание, внимание, и слепые оживились, думая, что поесть дадут, однако речь зашла о: Вам выделена лопата, отправьте одного человека забрать. Я пойду, сказала жена доктора. Вышла и сразу, с крыльца, увидела лопату. Судя по тому, как и где она лежала, а лежала она ближе к воротам, можно было понять, что ее швырнули издали. Не забывай, что ты слепая, сказала себе жена доктора и спросила: Где она. Спускайся с крыльца, буду направлять, ответил сержант, ага, вот так, так и иди, прямо, прямо, стой, правой

возьми, то есть, тьфу, левей, чуть назад, еще, вот теперь, что называется, не доходя упрешься, тепло-тепло, да нет же, холодно, ага, теплей, теплей, совсем тепло, есть, горячо, теперь налево кругом и давай назад, не торчать же тебе здесь, развернулась и пошла, я буду говорить куда. Не трудись, думала она, сама как-нибудь дойду по прямой до дверей, если и не поверишь, что я слепая, в палату за мной не придешь. Взяв лопату на плечо, как отправляющийся на работу землекоп, она двинулась прямо к крыльцу. Видал, сержант, воскликнул один из солдат, идет как по ниточке, будто зрячая. Слепцы очень быстро учатся ориентироваться в пространстве, веско изрек тот.

Выкопать могилу оказалось нелегко. Земля была твердая, каменистая, сплошь переви-тая длинными корнями деревьев. Рыли по очереди – таксист, оба полицейских и первый сле-пец. Перед лицом смерти ждешь, что бывшие обиды утратят ядовитую свою силу, хоть и при-нято говорить, будто давняя ненависть не остывает, чему не счесть примеров в книгах и в жизни, однако здесь, в сущности, о ненависти, тем более давней, речь не шла, ибо что зна-чит кража машины по сравнению со смертью человека, когда-то эту кражу совершившего, да еще если он находится в столь бедственном состоянии, и даже глаз не нужно, чтобы понять, что лицо его лишено рта и носа. Глубже чем на три пяди выкопать не смогли. Будь у покой-ника брюхо, оно бы выпирало из могилы, но вор, и от природы-то поджарый, за последние дни высох до последней крайности, так что в вырытую яму поместился бы еще один такой, как он. Молитвы не читали. Угрызения совести побудили девушку в темных очках спросить: Может, крест поставить, но кто там знает, что при жизни думал покойник про все эти дела с богом и верой, лучше, как велит обычай, просто помолчим над свежей могилой, а кроме того, примите в расчет, что смастерить крест совсем не так легко, как кажется, не говоря уж о том, сколько времени займет работа, за которую, тычась наобум, возьмутся слепцы. Вернулись в палату. Слепцы уже более или менее уверенно передвигаются там, где часто бывают, ну, разу-меется, не на открытом пространстве вроде заднего двора, где только что произошло погребе-ние, уже не теряются, а выставят вперед руку, пошевеливая растопыренными пальцами, вроде того, как насекомые водят своими усиками-антеннами, да и ходят себе повсюду, где им надо, и очень даже возможно, что у самых одаренных скоро разовьется так называемое фронтальное зрение. Вот взять, к примеру, хоть жену доктора: это же просто уму непостижимо, как она не заплутает в хитросплетении коридоров, палат, переходов, закоулков, как узнает, куда и когда следует свернуть, как безошибочно останавливается перед нужной ей дверью и без колебаний открывает ее, как, не отсчитывая по спинкам, добирается до своей кровати. Сейчас она при-села к мужу, разговаривает с ним, тихонько по обыкновению, сразу видно людей воспитанных и культурных, и им всегда есть что сказать друг другу, не то что другой чете: первый слепец и его жена после бурных излияний первой встречи почти и не разговаривают, и у них, сдается нам, нынешняя печаль возобладала над прежней любовью, что делать, привычка для любви губительна. И неустанно, беспрестанно ноет косоглазый мальчик, что, мол, кушать хочет, и это притом, что девушка в темных очках в буквальном смысле куска недоедает, чтобы накормить его. Уже несколько часов не спрашивает мальчик про маму, но почувствует, без сомнения, как ее не хватает, затоскует по ней, когда насытится и дух его воспарит над плоским плотским себялюбием, не ведающим ничего, кроме простой и необоримой тяги к самосохранению. Из-за того ли, что произошло на рассвете, по другим ли, не зависящим от нашей воли обстоя-тельствам, однако коробки с продовольствием к утреннему столу доставлены не были. Время к обеду, часы, на которые украдкой взглядывает жена доктора, показывают уже почти ровно час, и немудрено поэтому, что подгоняемые бурным выделением желудочного сока несколько слепцов, старожилы и новеньких, решив выйти в вестибюль и там подождать, когда привезут провиант, руководствуются двумя великолепными доводами, причем один высказан вслух и сформулирован в том смысле, что за разговором время пролетит незаметно, второй же, пота-енный, зиждется на постулате, гласящем, что кто перее, тот и правее. Так или иначе, не менее

десяти слепцов чутко прислушиваются, не открывается ли наружная дверь, не слышны ли шаги солдат, несущих вожделенные коробки. Обитатели же левого, наблюдательного флигеля, убоясь внезапной слепоты, которая может последовать за близким соседством со слепцами, ожидающими в вестибюле, выйти не осмеливались и только подсматривали в щелку, чтоб не пропустить свой черед. А время шло. Кое-кто из утомившихся и истомленных ожиданием слепцов сел на пол, двое или трое вернулись в палату. И вскоре раздался ни с чем не сравнимый скрип и лязг ворот. Воодушевленные слепцы, натываясь друг на друга, устремились было туда, где, по их расчетам, находилась дверь, однако, забеспокоившись, что ничего не успеют объяснить, тотчас остановились и в смятении отступили, поскольку шаги солдат, несших коробки, и тех, кто их сопровождал с оружием, слышались уже совершенно явственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.